

П.А. Новиков

Полное собрание сочинений

Том 1

16+

Павел Александрович Новиков

Полное собрание сочинений. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684236

SelfPub; 2019

Аннотация

Том 1 из 5. Проза. Три романа: «Витая в облаках», «Счастливая осень», «Разговоры ни о чём» с претензией на глубину и философичность, смыслом в словах, но не в действии, и неумолимым доказательством некой мысли.

Содержание

Предисловие	4
Витая в облаках	7
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Предисловие

Всегда интересно откуда-что начинается. Откуда вот так сразу и пять томов добра? И кто это наделал? Что ж, не буду плодить секретов. Сотворил сие я, т.е. Новиков Павел Александрович; личность, пожалуй, малоинтересная. А вот началось всё куда интереснее. Ещё на первом курсе института захотелось мне научиться играть на гитаре. На каких же песенках учиться? Тысячи их, но среди них, обязательно, есть «Гражданская оборона». С этого-то и началось. Очень запахло в душу творчество тов. Летова, а где Летов, там и психоделика с одной стороны и желание творить самому – с другой. Далее увлечение психоделикой неизбежно перетекает в чтение «серьёзной» литературы, а писание песенок в писание маленьких рассказов. После начинается увлечение философией, во всём её неумолимом разнообразии, и желание написать тоже что-то более или менее объёмное. Пусть сначала не эссе, не роман, но хотя бы повесть с претензией на глобальность. И надо же так совпасть, что в ту же студенческую пору устроился я работать сторожем. Делать было нечего, только собак покормить, телевизора в сторожке не было, а смартфонов в ту пору (2002 год) ещё не изобрели. Следовательно, чем заняться, кроме как читать и Творить? Вот так Летов и совратил меня с пути праведного, так оно и пошло-

поехало. Дальше – больше. Первый роман, второй, третий... Всё написано в сторожке, тёмными зимними ночами. Презабавное было время. Чтение философии, психологии, депрессивно-самокопательный период и вот уже эссе. Снова романы, ещё эссе... Жгучее желание заняться философией профессионально, аспирантура, диссертация... Но всему свойственно заканчиваться. Среда «профессиональных философов» оказалась днищем, аспирантура была брошена в ужасе от увиденного, нужна была нормальная работа, сторожба закончилась, а с нею и писанина. Что было написано, но не успело напечататься, так и не было «издано» даже на домашнем принтере. В итоге, несколько романов, несколько эссе и целая философская система, разумеется, всё даром никому не нужное. Так оно началось и так закончилось.

Прошли годы, был отдельный всплеск творчества в части сценариев (о чём будет в пятом томе), но ничего интересного более не создавалось. Точнее – совсем ничего. И вот сейчас, по прошествии более чем десяти лет после написания последних строк, мне внезапно подумалось: а что оно лежит лежа? Времена меняются, интернет, электронные книги, почему бы не выложить? И вот он итог: пять томов добра. Забавы молодости, наивные труды, глупые претензии на Стоящее... Наивный чукотский мальчик, не иначе. А может глупейшие-шикарные вещи, с собственной философской системой, ещё и созданной в возрасте около 20 лет. Тогда гений, не иначе. Как оно есть? Теперь не важно. Уж что вы-

шло, то вышло. Но как гласит народная мудрость: «не хошь кулеш – ничё не ешь».

Витая в облаках

«Очень уж утомительна жалость, когда жалость бесполезна»

Альбер Камю, «Чума».

Глава 1

– Вась, ну что ты там встал, как вкопанный?

Василий не спеша направился к ящикам.

– Давай быстрее! Ща Алексеич придёт, он тебе устроит райскую жизнь.

– Это он запросто, – проямлил Василий.

Василий Иванович нехотя взял тележку, гружёную ящиками с апельсинами, и потащил её на склад.

Санёк же в это время просто стоял и курил, частенько поглядывая на часы. К нему незаметно подошёл Михалыч, как его все тут величали, так как лет он был уже немолодых, с почти полностью поседевшей головой и хриплым прокурённым голосом.

– Санёк, через час по домам, а сегодня же праздник.

– Какой? – приободрился Санёк.

– Ну как же, день медицинской сестры.

– О-о, – протянул он. – Это святое.

– Вот именно.

– И что думаешь предпринять по этому поводу?

– Я сейчас вон ту фуру разгружу, – он качнул головой на дальний конец склада, – и буду ждать у проходной. Васька не забудь прихватить.

– Как же я могу забыть хорошего человека? Кто же нам ещё про Ницше, Гегеля и прочих Шопенгаров рассказывать будет?

– Во-во.

– Хотя он, наверное, не пойдёт.

– Пойдёт, хотя бы чисто символически.

– Ладно, будем.

Михалыч кивнул и, подкурив папиросу, подался разгружать фуру.

Только Санёк собрался таскать ящики, как к нему подошла грузная и, как всегда, весёлая тётя Клава.

– Сань, ай опять пить собрался? Ты ж только сегодня утром был страшён как сто чертей.

– Да ладно тебе, Клав, ты прям совсем как жена моя стала. Смотри погода то какая хорошая, посидим маленько в садочке и по домам.

– Ой, Санёк, тебе ещё и сорока нет, а вон уже и проплешина появляется. Меньше б пил, красивше б был, а то прям и смотреть не на что, – тётя Клава весело засмеялась.

– Ох, ты какая!

– Да, уж какая есть.

– Ты мне смотри, а то мужу-то всё расскажу, ты меня до греха не доводи, – тоже засмеялся Санёк.

– Тоже мне грешник-Казанова. Ладно, иди, а то Васька-то на тебя уже посматривать косо стал.

– Иду, иду.

– Туняедец.

– Всю работу не переделаешь.

– А ты старайся.

– Ой, какая же ты всё– таки нудная, Клав, – вздохнул Санёк и, бросив сигарету, пошёл на подмогу к Василию.

Теперь бы следует поподробнее рассказать про этого Василия, то есть Василия Ивановича Иванова, двадцати четырёх лет от роду, проживающего в некотором городе на определённой улице. Отец его, царствие ему небесное, переехал лет тридцать тому назад в город и стал работать на заводе имени двадцатого съезда КПСС, выпускавшего булавки, иголки, патроны и прочие необходимые в хозяйстве вещи. На этом же заводе и начал свою трудовую деятельность наш Василий. К хорошей работе он никогда не стремился и вообще жил по принципу «лишь бы не сдохнуть», в физическом плане, но ни в коем случае не в духовном. Однако в одна тысяча девятьсот девяносто девятом году завод закрыли, и Василий после долгих скитаний, временно устроился на работу на этом складе, где и познакомился с такими замечательными людьми, как Санёк и Михалыч, которые, как

потом оказалось, жили в соседних домах.

Каждый день у Василия начинался в семь часов утра, после обычных слов матери, ещё не старой, но уже совсем седой женщины, однако ж очень весёлой и жизнерадостной «Вась, вставай, пора на работу». После этого он умывался, одевался, завтракал и шёл на работу, которая, к счастью, находилась в десяти минутах езды на автобусе.

Работа была не пыльная, но нудная, однако ж Василий любил подумать, а потому это его не смущало. Получал он немного, но на жизнь хватало, а больше ему и не было нужно. Остальные же грузчики имели дополнительный заработок, не совсем законный, но вполне естественный. Однако ж Василий, в причину своего высокого морального статуса и гипертрофированной совести, ни разу в жизни ничего не украл, чем он очень гордился, на потеху всем остальным.

После работы Василий обычно шёл домой, но иногда, пару-тройку раз в месяц, он где-нибудь сидел с Саньком и Михалычем, коих обычно потом тащил до дома. По прибытию домой Василий ужинал, а затем смотрел телевизор или читал, причём последнее было гораздо чаще. Читал он, кстати, не что-нибудь, а философские, а иногда и религиозные книги, которые ему очень нравились с самых ранних лет. Не сказать, что Василий был уж очень набожен, в церковь он ходил раз в год по обещанию, однако ж веровал, да и его настольной книгой была библия.

В общем, трудился он на благо обществу и на благо веч-

ному, размышляя о бытии, Боге и прочих увлекательных вещах. Кстати сказать, деньги и прочие общепринятые ценности жизни его мало привлекали, в отличие от всех остальных знакомых ему людей. Тяготел он только к духовной пище, и не раз его небольшие статейки печатались в местных газетах.

Вот так Василий Иванович Иванов и жил со своей матерью Марией Юрьевной в привычной хрущёвке, на третьем этаже жилого дома, окна которого выглядывали в околородскую лесную зону.

Весна. На деревьях уже были молодые зелёные листочки, где-то весело щебетали птички, и солнце грело уже совсем как летом. Вокруг прогуливались редкие люди. На лавочках и за столиками тоже сидели и отдыхали.

Василий, Санёк и Михалыч нашли первый попавшийся свободный столик и достали из пакета провизию.

Санёк грустно посмотрел на бутылку водки.

– Ой, Вась, лень было лишнюю остановку проехать.

– Ты мне уже все уши прожужжал.

– Там водка почти на три рубля дешевле!

– Да ладно тебе, Санёк.

– Ну что значит «ладно»? Много денег у тебя, что ли?

– Ты, я вижу, из-за этих трёх рублей сейчас удавишься, охота тебе было потом переться обратно?

– Не развалились бы.

– Только время терять.

– Вась, ну ты какой-то совсем неэкономный. Вот так раз три рубля переплатил, ещё раз, и вот уже зарплаты и нету...

Михалыч опять подкурил папиросу.

– Ладно, мужики, хватит, – прохрипел он. – Наливай по первой.

Санёк стал открывать бутылку.

– А ты, Вась, зря с Саньком споришь, он прав.

Налили, выпили, закусили, чем Бог послал.

Невдалеке виднелся лес, за которым были только поля и ни одного города на сто километров вокруг.

– Вот представляешь, – прервал тишину Василий, – Когда-то жили мы в лесах и дела нам никакого не было до денег; единение с природой.

– Это было давно.

– Но ведь жили же.

– Времена меняются.

– Да, сейчас деньги – всё. Есть деньги – есть власть, а это главное к чему стремится человек...

– Ну, я не назвал бы это властью...

– ...так что, как не крутись, а без копейки не обойтись.

– Эх, Сань, все вот сейчас так думают, поэтому и творится у нас всеобщее отупение; нормальных книг никто не читает, в театры почти не ходят, все хотят стать бизнесменами или политиками, никто не хочет быть врачом, учителем или даже учёным. Деньги, деньги, деньги, ничего святого, всё позабыто и растоптано.

– Ну, начинается...

– А зачем всё это? – вставил Михалыч. – Размышлениями едиными сыт не будешь. Надо жить, а не в облаках летать.

– Когда человек не имеет никаких духовных идеалов, а просто жрёт, пьёт и спит, то это не жизнь, а существование. Не *человек* это уже, а обычное млекопитающее, которым правят те же инстинкты, что и свиньей.

– А что же тогда такое человек, как не животное?

– Человек? – задумался Василий. – Человек – это существо мыслящее, которое должно стремиться прежде всего к духовному насыщению, а уж потом к физическому.

Михалыч усмехнулся.

– Слишком предвзято мы к себе относимся. Мы, *прежде всего*, животные. Кто хоть вообще сказал, что мы высшие создания и поэтому должны жить, как высшие?

– Во-во, это ты так говоришь, потому что ты сыт, одет и тебе есть где жить, а когда в желудке пусто, то тут особо не пофило... поф... по-фи-ло-соф-ствуешь.

– Возможно, ты отчасти и прав, но чтобы прожить мне, например, вполне хватает и моей скромной зарплаты, а больше мне и не надо, да и никому не надо, вот только хотят все больше и больше.

– Денег много не бывает.

– Зато я могу спокойно думать и, так сказать, духовно обогащаться. Это большинству надо жрать, пока не лопнешь, спать до одурения, а зачем? Просто так, потому что такие у

всех идеалы, о *себе* никто не думает.

– Ну, живёшь ты так, а смысл? – удивился Михалыч.

Санёк не дал ответить Василию.

– Как это просто так? Если есть деньги и власть, то тебя будут все уважать, к тебе хорошо будут относиться твои дети, потому что они не должны будут побираться. Так что, то, что все хотят больше денег – это правильно, так и надо.

– Да кто тебя будет уважать? Если у человека есть власть, деньги, или вообще всё вместе и очень много, то его не уважают, а завидуют, следовательно, ненавидят, а это далеко не любовь и не уважение. И дети его в глубине души будут думать: «Да когда ж ты, отец наш родной, сдохнешь?» Вот так-то.

– Ну, это смотря как воспитать...

Василий прервал Михалыча.

– А вот если ты не денег хапнул, не для желудка жил, но для просвещения своего и рода людского, вот тогда тебя будут действительно уважать и не забудут никогда, вот так *жить* надо.

– Ты прям говоришь, как проповедник.

– Да куда уж мне.

– Н-да, – задумался Михалыч.

– Что-то мы заговорились совсем, давай Вась, наливай.

...

– У-ух, – поморщился Михалыч и, достав папиросу, подкурил её и довольно затянулся. – Вась, это ты, конечно, кра-

сиво говоришь, но нереально это всё. Жили, живём и будем жить исключительно для своего достопочтенного желудка.

— Здесь ты прав, — развёл руками Василий. — Причём будем, судя по всему, всё больше и больше.

— А почему всё больше?

— А ты посмотри, что в последнее время творится.

— А что в последнее время? — не понял Санёк.

— Деградация всего человечества.

— Ну, это ты загнул, аж самому страшно стало.

— А что? Разве я что-то не так сказал?

— Как-то слишком уж...

— Ещё в прошлом, вернее уже в позапрошлом веке за честь незнакомой дамы могли жизнь отдать, слово стоило жизни. А сейчас всё обесценилось, позабылось, померкло. Сейчас я могу говорить что угодно, и мне за это, в принципе, ничего не будет.

— Будет, — уверенно заявил Санёк, — посадят.

— Это всё не то.

— Вот ты, Васёк, говоришь — в прошлом веке, в прошлом веке, — а разве тогда не было борделей, разве тогда не убивали за деньги?

— Не без этого конечно, но...

— Одна скорлупа, а суть та же — деньги и власть. Конечно, духовное может быть и важно, но если у людей спросить, чтобы они выбрали, книжку написать или получить миллион, девяносто девять процентов выбрали бы второе. Это ре-

альность, это жизнь, и никто меня не убедит, что какие-то там знания важнее еды.

– С таким вот всечеловеческим менталитетом мы скоро все позабудем и литературу, и историю, да и вообще самих себя. А зачем всё это? Да?

– Действительно, зачем? – искренне удивился Санёк. – Опять же, художники картины свои не для небес писали, а чтоб денег заработать.

– Большинство художников и так были богаты, и картины никакой роли особо не играли.

– Да нет, – не согласился Михалыч. – Способ самовыражения это, и всё.

– Это ты так говоришь, потому что власти хочешь, но не можешь.

– Да ладно уж...

– Хочется тебе, что б тебя уважали, да? – Санёк засмеялся.

– А ну тебя.

– Ладно, молчу.

Михалыч затушил папиросу и, расстегнув куртку, облокотился на стол.

– В мире же всё просто, это мы всё постоянно усложняем. Никто не поддержал эту мысль, в виду её *простоты*.

– Да и вообще, Вась, бред мы какой-то несём. Мир вечен и непоколебим, его нельзя сбить с намеченного пути развития.

– Мир нельзя, но себя можно.

– Да и себя, как часть мира, тоже вряд ли.

– Ну, это ты зря.

– Много ты кого знаешь, кто встал на путь истинный?

– Но так жить, а, вернее, существовать тоже нельзя.

– Вся история говорит о том, что можно, а жизнь говорит, что нужно, – уверенно произнёс Михалыч. – Деньги – это всё, а всякие эти мысли – это так, от нечего делать.

Они ещё немного посидели и, допив водку, разошлись по домам.

Лишь Василий всю дорогу удивлялся: «Вот так-то, оказывается, весь духовный прогресс человечества происходит из-за того, что некоторым людям нечего делать».

– Министр внутренних дел на месте?

– А кто его спрашивает?

– А вы, я вижу, новенькая?

– Да, – кокетливо ответила она.

– Тогда скажите, что пришёл заведующий жилищно-коммунальным хозяйством Симеон, Пётр.

– По какому вопросу?

– Мне назначено.

Секретарша позвонила Павлу и, сказав, кто пришёл, кивнула и положила трубку обратно.

– Проходите.

Пётр зашёл в кабинет Павла, который в это время внимательно читал какие-то бумаги.

– Здорово.

– Заходи.

Пётр прошёл и сел в кресло напротив.

– Что читаешь?

Павел вздохнул.

– Доклад по Земле.

– А-а.

– Читал?

– А как же, читал. Всё прочитал, вот только кое-чего не могу понять.

– И что же?

– То ли весь наш эксперимент летит коту под хвост, то ли он пошёл в какую-то неправильную сторону.

Павел отложил бумаги.

– В каком смысле?

– Я имею в виду отношение людей к духовному и материальному, множество непонятных вещей.

– Например.

– Вот все эти войны на религиозной почве – они от переизбытка веры и чувств или просто из-за денег?

– Я так понял, что второе.

– А религия?

– Религия всего лишь предлог.

– Этого-то я и боялся.

– Вечно ты чего-нибудь боишься.

– Только не напоминай, и так до сих пор стыдно.

Павел откинулся на спинку кресла и потёр глаза.

– Да уж, странные сейчас дела творятся на Земле; с одной стороны люди становятся умнее, образованней, читают много, а с другой стороны все живут исключительно ради денег.

– Нет, не все, конечно...

– Не все, так большинство, я бы даже сказал, подавляющее большинство. А люди всё не перестаю...

– Да, ты прав.

– Вот я и думаю, надо что-то делать, а то этак уже лет через сто этот урод из конкурирующей организации нас уделает, и тогда нас, как и наших предшественников, отправят в отставку.

– Это точно, Босс у нас шутить не любит.

– Ага.

– Хотя, что предшественники? Ты помнишь, за что их уволили?

– Да ни за что, а нас – так и подавно уволят.

– Вот именно. Они-то слетели только за то, что люди неправильно интерпретировали их помощь им же, хотя сама операция прошла замечательно.

– Да, чистенько, без ошибок.

– Уволят нас.

– Да уволят-то ладно, – невозмутимо произнёс Павел. – За эксперимент обидно, столько сил в него вложили. Вот я и думаю, надо принимать крайние меры.

– И какие же?

– Всё те же.

– Ты что, хочешь послать... – не поверил Пётр.

– Петь, знаешь, что я тебе скажу: если мы сейчас не попытаемся, уже максимум лет через тридцать-сорок будет поздно, и тогда уж точно конец всему.

– Я думаю, ни тому уроду, ни Боссу это не понравится.

– Мы имеем на это полное право. Забыл номер пункта в договоре об эксперименте, но там точно написано, что раз в две тысячи земных лет мы имеем право послать на Землю мессию.

Пётр пожал плечами.

– А толку-то что? И Заратустра, и Будда, и Христос, их много было, но хоть у кого-нибудь из наших предшественников эти операции завершались успешно? Заслали Иисуса, между прочим, сына нашего Босса, очень уж он любил этот эксперимент, а толку? Только войны, инквизиции, крестовые походы и прочее. А сейчас на Земле дела идут вообще из рук вон плохо, люди не верят в чудеса, в высшие силы, даже в душу, более того, вообще не признают её существования, и ты хочешь в этот уже полусгнивший мир послать мессию? Это, по меньшей мере, странно.

– Ну что ты всегда такой пессимист?

– Я просто смотрю правде в глаза.

– Нет, нужно же что-то делать? Да, ты прав, посланные нами поля оказались никому не нужны, даже верить в них перестали, но я считаю, что если на людей правильно подействовать, то чувство рабства, ну или страха перед высшим,

у них всё равно возьмёт вверх, на такой случай они и были сделаны большей силы, чем надо бы. Будем делать так, как делали все наши предшественники, то есть вселим частичку наших сил в какого-нибудь младенца.

– С младенцем фокус сейчас не пройдёт.

– Почему?

– Пока этот младенец вырастет, он уже продаст все свои силы и когда надо, не сможет действовать. Сейчас – это не тогда, сейчас люди повсюду, особо не спрячешься.

– Ну ладно, в чём проблема? Дадим нашу силу какому-нибудь двадцати-тридцати летнему мужику с максимальной духовной составляющей, и он, как и все прошлые мессии, будет творить чудеса, исцелять людей и заодно уж проповедовать новую, нужную нам, религию. Ничего нового.

– Ну, не знаю, – Пётр задумался.

– Тем более, что нам только и нужно изменить направление прогресса человечества, а с такими его темпами, люди уже лет через сто уверенно встанут на духовный путь развития.

Пётр вздохнул и в очередной раз покачал головой.

– Но...

– Петь, ну что мы теряем? Наши посты? Да хрен с ними! Мы на Земле вообще вон кем были, это судьба нас так сюда поставила. Так что, нам не привыкать.

Пётр сидел молча минут пять и, наконец, встав и пару раз прошедшись туда и обратно, повернулся к Павлу.

– О-ой, Паш, думал я думал и даже не знаю, что сказать.

– Тут и думать нечего.

– Может, всё само по себе изменится? Может, повезёт, и война какая будет? После неё ж всё по-другому...

– Ну что ты, как маленький? Ты ж взрослый мужик, третье тысячелетие уже разменял, а думаешь, как ребёнок. Пойми ты, кардинальным образом ничего не изменится, не будет никакой войны, по одной простой причине – лень...

– Достаточно одного неленивого человека, чтобы...

– Забудь, ничего не будет: ни войн, ни катаклизмов, а если даже и будут, то это всё равно ничего не изменит; пусть хоть миллиард людей сдохнет, остальным пяти будет наплевать, только порадуются, что просторней стало.

– Зря ты...

– Надо реалистично смотреть на вещи.

– Я смотрю.

– Значит, неправильно ты смотришь.

– Уж как умею.

– Петь, ну решайся ты, наконец!

Пётр ещё раз прошёлся туда-сюда по кабинету.

– А что мы, действительно, теряем? Хуже-то уже не будет. Ладно, будь по твоему, звони Боссу.

Обычный город, стоящий в густых лесах где-то за Уралом. Всё в нём идёт своим чередом, всё размеренно и спокойно. На улицах растут красивые, только-только начавшие зеле-

нет тополя, мимо них ходят обычные люди и ездят обычные машины. Повсюду стоят стандартные пяти- и девятиэтажки с редкими вкраплениями красивых элитных домов. Короче, всё как и везде.

Вот в таком городе, в новом элитном доме и жил Николай Александрович Хорошев. Было ему сорок пять лет, хотя и выглядел он моложе. Работал, а вернее занимался он бизнесом, каким – не имеет значения. Фирма его до недавнего времени была процветающей, но сейчас её потихоньку стали давить конкуренты. Жил Николай Александрович не один, а с женой Татьяной и сыном Юрием.

Юрию Николаевичу было девятнадцать лет. Парень он был крепкий и неглупый, учился в местном институте и разъезжал на собственном новеньком форде. Всё у него было хорошо, да вот чего-то ему не доставало в жизни.

И вот, как-то появились в этом городе люди, называющие себя «Истинными посланниками Бога». Юрий пришёл как-то к ним посмотреть, что к чему, и так проникся их верой, что вскоре только об этом и думал. Чтобы вступить в это братство, Юрию пришлось продать свою однокомнатную квартиру, подаренную ему отцом на шестнадцатилетие. Но зато теперь Юрий стал очень уважаемым человеком среди истинных посланников, сразу получив третий по значимости ранг. И теперь всё времяпровождение Юрия сводилось к внедрению веры истинных посланников в падшие умы общества, за что он был уважаем ещё больше.

Николаю Александровичу и его жене Ольге это увлечение их сына не очень-то нравилось, но они смотрели на всё это по большей части сквозь пальцы, ибо жили по принципу: «чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало».

Утро очередного дня.

– Доброе утро, Таня, – позёвывая, произнёс Николай Александрович и сел за стол. – Что у нас сегодня на завтрак?

– Я только что проснулась, поэтому только кофе.

– И на том спасибо.

Николай Александрович сделал глоток кофе и прожевал булку.

– А, кстати, где Юрий?

– Уже ушёл на занятия, сказал, что будет поздно.

– Опять к этим пойдёт?

– Будет читать проповеди своим братьям и сёстрам.

Николай Александрович откусил ещё булку и покачал головой.

– Ох, что-то перестаёт мне всё это нравиться. Чует моё сердце, до добра это не доведёт.

– Да ладно тебе, Коль, ну что ты нервничаешь? Побалуется маленько, потом надоест и всё.

– А как же квартира?

– Ну и что? Подумаешь, квартира. Бог с ней, она стоит копейки, мы ему и получше купим.

– Получше...

– Ты давай ешь быстрее, а то на работу опоздаешь.

– Тань, а может запретить ему? От этих сектантов ничего хорошего ждать не приходится.

– Как хочешь, мне всё равно, я не принимаю это всерьёз. Даже если они в один прекрасный момент исчезнут, всё равно ничего страшного не случится, попереживает наш Юра месяцок-другой и успокоится.

– А может мне с ним всё-таки поговорить?

– Ну, попробайся, хотя ты с ним уже не раз говорил, а толку никакого.

– Да, наверное, поговорю я с ним сегодня, – Николай Александрович дожевал булку. – Ну ладно, мне пора, у меня сегодня очень важная встреча.

– Пока.

– Угу, до скорого.

Большой дом, стоящий на окраине города, среди угрюмых елей и кустов малины. Дом этот не особо отличался от окружающих, разве что выглядел он немного опрятнее, хотя и было в нём что-то отпугивающее.

Этот самый дом и был храмом для всех истинных посланников. На втором этаже сего дома была большая светлая комната, в которой и заседали самые истинные посланники – Виктор и Сергей, для знающих Седой и Серж. Большую часть своей жизни они провели в отсидках за мошенничество и воровство, теперь же они были ни кем иными, как главными сторожителями и идейными лидерами истин-

ной религии.

Через несколько минут должна была начаться молитва, и Седой с Сержем стали выжидать время.

Седой развалился на диване и вздохнул.

– Серж, а вот я думаю, не пора ли нам сваливать? Новичков почти совсем уже не появляется, капусту мы срубили, как бы не огрести.

– Ну чё ты трясёшься? Всё будет чики-пуки, ещё месяц можно смело работать.

– Смотри не лажанись, а то, я вижу, тебя жадность обуяла.

– Заткнись, не тебе решать. Я это дело начал, я его и закончу. Не нравится – проваливай. И постирай наконец свою долбаную рясу, а то от неё уж за версту воняет.

– На себя посмотри, козёл.

– Ты не возникай, твоё место возле параша! Если бы не я...

– Если бы не вы, многоуважаемый наш Сергей, я бы ща уже нормальные бабки имел, а не эту мелочь.

– Тебе что, мало?

– На этом хреновом дельце больше и не заработаешь.

– Это почему же оно хреновое?

– А тем, что нужно каждый день втирать придуркам какой-то религиозный бред, от которого меня, например, уже тошнит.

– Да ты считай ничего и не делаешь, всё я.

– Во, ты...

– Тихо! Кажется, кто-то идёт.

Седой и Сергей быстро сели на мягкие подушки напротив молитвенника и приклонили головы.

В дверь постучали.

– Войдите, – монотонно ответил Сергей. – Наши двери никогда не бывают закрытыми.

Вошёл Юрий с бумагой в дрожащей руке.

– О, простите, что я помешал вашей молитве, я зайду позже.

– О нет, не надо, – так же монотонно и дружелюбно ответил Седой. – Что тебе?

– Я принёс свои размышления по поводу нашей религии, дабы вы смогли показать их всем, кто ещё не верит и тем самым научить их истине.

– Очень хорошо, брат Юрий, оставь бумагу здесь и ступай к своим братьям и сёстрам. Тебе пора читать проповедь.

– Спасибо, – счастливым голосом произнёс Юрий. – Я оправдаю ваши надежды.

– Ступай с Богом, – так же счастливо ответил Сергей.

Юрий поклонился и вышел из комнаты.

Подождав пока шаги Юрия стихли, Седой и Сергей безудержно рассмеялись.

– Да, редкостный придурок, – сквозь смех сказал Седой. – Это ж надо: «я принёс свои размышления...»

Они засмеялись ещё громче.

Наконец, вытерев слёзы, Сергей ещё раз хохотнул и уже

серьёзно заявил Седому.

– Короче, слушай сюда, сворачиваться даже и не думай, терпи. У меня тоже все эти идиоты типа Юрки уже вот где сидят, – он провёл ребром ладони по горлу, – но я же не распускаю сопли.

– Эх, Серж – Седой махнул рукой. – Хрен с тобой, терпел же я как-то и ещё потерплю.

– Вот и молодец.

Они встали с подушек и снова уселись на диваны.

– Войдите, – послышался грубый голос.

Двери огромного кабинета открылись, и Павел с Петром неспеша вошли внутрь.

За столом Босса уже сидел этот мерзкий тип и ехидно поглядывал на Петра.

– Садитесь.

Пётр и Павел сели в широкие кресла и переглянулись.

– Чего вы хотели?

– Мы на днях получили доклад по Земле... – Пётр запнулся.

– Ну, говорите.

Павел решил продолжить сам.

– Мы решили, что нам надо послать мессию.

Босс удивлённо поднял бровь.

– А вы хорошо подумали?

– О да, мы в этом уверены, – как-то робко сказал Пётр.

Уродец, сидевший рядом, хихикнул.

– А зачем?

– Как зачем?

– Вы же и сами прекрасно знаете, что уже поздно. Не будем тратить свои силы, у нас и в этом мире дел хватает.

– Мы думаем, что не так уж всё и страшно, ещё можно всё исправить.

– Да вы и сами в это не верите. Всё, с людьми покончено. Неудачный был эксперимент, я же давно говорил...

– Нет, я думаю... – прервал его Пётр, но продолжать почему-то испугался.

– Не хочу я никого посылать, – пробасил Босс.

– А не рановато ли ещё, – он опять ехидно улыбнулся. – Разве уже прошло две тысячи земных лет?

– Да, сейчас уже две тысячи первый год от рождества Христова.

– Не напоминай мне о моём сыне, – побагровел Босс. – Это из-за ваших предшественников он полюбил этих несчастных людишек, и сам спустился на землю. Он их любил, а они... Он до сих пор не может стать таким, каким был прежде. Я больше не хочу связываться с людьми.

– Совершенно верно, давно пора прикрыть этот проект. Помните, – обратился он к Петру и Павлу, – как ваша контора загубила Жизнь на Ялмезе, внедрив животное начало в их духовную жизнь? Они превратились в примитивных существ за ничтожный отрезок времени. Вы рискнули ещё

раз, – он опять хихикнул. – И теперь решили внедрить духовную составляющую в животных. Вот видите, не прижилось, пора бы уже это понять. Выходит, животное всегда сильнее. Всё, эксперимент окончен.

– Нет! – воскликнул Павел. – Люди развиваются, они...

– Вы и сами знаете, что это неправда, – с уверенностью произнёс Босс. – Люди развиваются едино лишь с целью упрощения и увеселения своего животного бытия.

– Но дайте...

– Наша духовная крупица, по сути, так и не вышла из зачаточного состояния. Она необратимо умирает в этих обезьянах.

Павел разозлился, всё-таки этот урод ему очень сильно не нравился. Он повернулся к Боссу.

– Но мы имеем право на мессию, это оговорено в договоре об эксперименте. Вы обязаны нам разрешить...

– Иначе мы будем вынуждены обратиться в союз правителей Высших Миров, – добавил Пётр.

Вены на висках Босса вздулись, он был готов испепелить их взглядом.

– Вон вы как заговорили! Да если бы не мой сын, и ноги вашей здесь не было! Да кто вы такие? Тоже мне дух, ничтожные душонки этих неудачников! – Босс приподнялся с кресла и упёр руки в стол.

Пётр и Павел съжились, ожидая чего угодно.

– Хрен с вами! Посылайте мессию, но знайте, если опять

ничего не получится, я забуду про существование этого дурацкого эксперимента и вообще прикрою вашу лавочку.

Босс плюхнулся в кресло и обвёл их недобрым взглядом.
– Всё, можете идти.

Они слегка поклонились, естественно за исключением этого «красавчика», который всё-таки был с боссом на равных, так как состоял главой хоть и конкурирующей, но не менее важной конторы.

Выйдя из кабинета, Пётр облегчённо вздохнул и вытер пот со лба.

– Вот это ты, Паш, отчебучил!

– Что?

– Угрожать Боссу!

– А что ещё оставалось?

К ним подошёл конкурент.

– Ой, ребятки, ничего-то у вас не выйдет, можете попроситься с вашими любимчиками и со своими регалиями, – он вновь ехидно хихикнул и ушёл.

– Как же он меня бесит... – процедил Павел.

– Знал бы босс, что он хотел совратить его сына...

– Кстати о регалиях, протри, наконец, свою шляпу, а то она уж совсем не блестит.

– А ну её, – Пётр махнул рукой, и они пошли в теперь уже общий кабинет.

Василий всю дорогу думал о сказанном. Он пытался по-

нять, неужели все люди такие? Неужели все думают так же, как и они?

По пришествии домой Василий «крепко задумался в вопросе о правде».

За ужином он захотел узнать мнение матери.

– Ма, вот я сегодня разговаривал с Саньком и Михалычем и хотел бы теперь спросить тебя.

– Ну, спрашивай.

– Как по твоему надо жить?

– Эх, Вася, все люди, как люди, живут, работают, а ты всё какие-то философские вопросы решаешь. Тебе уже почти двадцать четыре года, а ты всё ещё какой-то ерундой занимаешься.

– Это не ерунда.

– Пора бы уже и жизнь начать обустраивать.

– А что значит обустраивать?

– А то и значит. Вон, Владик с пятого этажа, хорошо ж живёт, а ведь ему всего двадцать два. В таком возрасте, а уже важный человек, бизнесмен.

– Да не бизнесмен он никакой, а обычный бандит.

– Бандит, не бандит, а вон какие деньги зарабатывает, ездит на БМВ и собирается новую квартиру покупать.

– А как ты думаешь, кто правильно живёт: этот Владик или Александр Степанович из соседнего подъезда?

– Александр Степанович? Это тот врач что ли, глазник?

– Он самый.

– Конечно же, Владик. Александр Степанович вообще дурак, взятки брать *не любит*, машину себе так и не купил. Этак он, как в этой своей квартирке родился, так в ней и помрёт и даже на гроб денег не будет.

– Но ведь он врач, он людям зрение возвращает, делает доброе дело, а Владик наоборот только отнимает.

– Он не бандит, у него фирма.

– Знаем мы эти фирмы.

– Зато он живёт припеваючи, не то, что твой Александр Степанович.

– То есть, по-твоему, лучше под себя побольше нагрести, чем другим помогать?

– Да кому нужна эта твоя помощь?

– Но нельзя жить только ради себя.

– Вася, запомни, сейчас не то время, чтобы о ком-нибудь заботиться, думай только о себе, люди не прощают добра, а то ведь так и помрёшь в нищете. Если хочешь хорошо жить, не оглядывайся по сторонам.

– И ты думаешь, что надо быть эгоистом и жить только для себя? Поставить перед собой великую цель – заработать побольше денег?

– Да, а чего здесь такого?

– Да так, ничего.

– Чего стесняться, если все так живут?

– Все, все, все...

– А будешь жить для всех, тебя будут только использовать,

да ещё и смеяться: «Вы только посмотрите, какой дурак – другим помогает, а у самого ни гроша за пазухой, ха-ха...», а в старости тебе никто даже и кружку воды не поднесёт.

– Но ведь ты веришь в Бога, ходишь в церковь, как ты можешь говорить такие вещи?

– Ну и что? Вера верою, а жизнь жизнью.

– «Как бы не проповедовали Христа, притворно, или искренно, я и тому радуюсь, и буду радоваться».

– Вот именно, Павел-то не дурак был, он понимал, что к чему.

– Как хоть...

– Бог не коммунист, он не разделяет людей на богатых и бедных, а лишь на хороших и плохих. Можно быть и богатым, и хорошим.

– «Проще верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть на небеса».

– По большей части так, но ведь есть и исключения.

– Хоть одно.

– Ну...

– И вообще, что значит, хороший и плохой?

– Хороший, это когда ты веришь в Бога.

– А как же грехи?

– Если веришь, то Бог всё простит. Все мы грешники, святых не бывает. Николай второй вон сколько людей загубил, одно кровавое воскресенье чего стоит, а стал святым, вот так-то.

– Святым он стал из-за того, что умер мученически.

– Да это каждый день кто-нибудь мученически умирает, а святыми от этого никто не становится. Значит, верил Николай в Господа Бога нашего, оттого и вознёсся, хотя и погрешил немало.

– Ничего-то тебе не докажешь, на всё у тебя есть ответы.

– Это потому что я права. В жизни главное хорошо пожить, а для этого нужны деньги, и чем больше, тем лучше.

– Вот ты говоришь, что главное – это хорошо пожить, то есть, я так понимаю, это значит себе на радость?

– Ну, в общем, да.

– А если я испытываю радость оттого, что людям добро делаю? Вот неважно для меня то, как я живу и всё тут.

– Это ты сейчас так говоришь, а повзрослеешь – поймёшь, что главное в жизни люди или деньги.

– Я и так уже не маленький.

– Это ты ещё особой нужды не испытывал, на голодный желудок-то особо не разлюбишься.

– А как же люди деньги в пожертвование отдают или, там, на аппаратуру для экспериментов тратят, на науку?

– Всё или мелочь, или для показухи, или с известным расчётом на своё будущее, хотят что-нибудь изобрести и продать это своё изобретение подороже. Это ты молодой ещё, идеалистом себя называешь, а вот от силы лет через пять, когда выбьешь эту дурь из своей головы и станешь нормальным *человеком*, одна у тебя будет цель – побольше зарабо-

тать.

Василий понял, что доказывать что-либо бесполезно, и не стал ничего отвечать.

Мария Юрьевна посмотрела на висящие на стене часы.

– Заговорились мы тут с тобой, по телевизору уж пять минут, как «Поле чудес» идёт. Пошли смотреть, а то всё самое интересное пропустим.

Они встали и, быстренько убрав со стола, пошли смотреть телевизор.

«Поле чудес» Василий смотрел как-то урывками. По большей части он думал и молчал. Все его мысли на тот момент можно было свести к одному вопросу: «Как так можно жить?»

Глава 2

На следующий день Пётр и Павел сидели в своём кабинете и просматривали список претендентов на место мессии. Список был не очень-то внушительным.

Павлу надоело в пустую перебирать имена, и он отложил бумаги.

– Петь, я знаешь, что думаю? Надо сначала определиться, в какой стране должен появиться мессия.

– Можно и так, – согласился Пётр.

– Ты к какой больше склоняешься?

– Ну, точно не Индия и не Израиль, с пограничными им

странами. Отдалённые тоже не подходят, по очевидной причине, Африка тоже...

– Ну, так что?

Пётр почесал лоб.

– Не знаю.

– А как тебе США?

– Сплюнь! Там через месяц его сделают ведущим какого-нибудь шоу.

– Да, значит, Западная Европа тоже не подходит.

– В принципе, да.

– Остаётся только Восточная Европа.

– А там кто?

Пётр пожал плечами.

– А как тебе Россия?

Пётр задумался.

– Неплохой вариант. Люди ещё хоть как-то верят в Бога, эгоизм не слишком выпирает, деньги тоже, *пока что*. Страна большая, имеет определённый вес в мире...

– Ну, так что?

– Лучше, наверное, пока и нет.

– Вот и хорошо, значит, Россия?

– Из двухсот с лишним зол выбирают меньшее.

Павел порылся в бумагах и достал список нужных людей.

– Не очень-то много.

– И ещё отсеем священников и тех, кому за тридцать.

Прошло несколько минут.

– Ну, Петь, что там?

– Вот, – Пётр выписал несколько имён.

– Ну, теперь давай, что ли, посмотрим на них.

Они включили телевизор и начали искать нужные каналы.

– Так, – начал Павел. – Этот некрасивый, этот шепелявит,

этот бомж, сейчас нищим никто не верит, этот...

– Стоп!

– Чего?

– Вот это неплохой вариант.

– Он?

– Не хуже других, даже где-то лучше.

– Лучший человек на Земле? – улыбнулся Пётр.

– В общем... Ну-ка, посмотри его характеристики.

Пётр переключился на таблицу.

– Так... Неплохо... Ну-у...

– Ну, и что ты надумал?

– Нормально. Очень неплохие характеристики, подходит по всем данным.

Они несколько минут молча на него смотрели.

– Ну что, его?

– А давай!

– Вот и замечательно.

– Великолепно.

– Поздравляю, мессией у нас будет некий Василий Иванович Иванов.

В эту ночь Василию приснился удивительный сон. Как будто к нему в комнату спустился апостол Павел и сказал ему, что отныне он избранный, мессия и что теперь он должен исцелять людей и вселять в них веру, на что ему будет дана божественная, непоколебимая и могучая сила, а также дар убеждения и предвидения.

А было это так.

Василий проснулся от ощущения, что в комнате кто-то есть. Он приоткрыл глаза, но поворачиваться не стал.

Появился яркий свет, и чуть позже послышался громкий, басовитый голос.

– Проснись.

– Ты кто? – робея, спросил Василий.

– Я Павел, сын мой.

– Павел?

– На тебя будет возложена миссия наставления людей на путь истинный.

– Я не понимаю...

– Отныне ты – олицетворение Бога на Земле.

– Что?

– Ты всё правильно понял.

– Но я... – Василий ничего не понимал. – Я не сумею, я не смогу.

– Сможешь, ибо *мы* в тебя верим и едино лишь на тебя уповаем.

– Но почему я?

– Ты один из немногих достойных. Чувствуешь ли ты прилив сил?

– Да, но... но... как же так? Что я буду делать?

– Ты должен верить, и тогда поверят тебе.

– Но вдруг я не сумею? Откуда я буду знать, что мне делать и как себя вести?

– Всё зависит только от тебя, я больше не смогу помогать тебе...

– Но почему? – удивился Василий.

«Я не могу нарушать договор».

– Это не важно. Ты должен слушать своё сердце, как и всё это время, оно подскажет, что тебе надо делать.

– Я...

После этих слов Павел как-то по-новому перекрестил Василия и тут же исчез, как будто его и не было вовсе.

Сразу же после этого Василий уснул.

– Вась, вставай, пора на работу.

Василий медленно открыл глаза и, потянувшись, встал с кровати.

– По-моему, ты сегодня разговаривал во сне, меня это пугает. Тебе явно надо меньше читать свою муть.

Василий ничего не ответил.

– Ну ладно, умывайся быстрее, а то завтрак стынет.

– Мне сегодня приснился очень странный сон, – Василий задумался. – Это же надо.

Василий помотал головой и протёр глаза.

– Ну, и что же тебе приснилось?

– Как будто ко мне в комнату спустился апостол Павел и сказал, что отныне я посланник Бога на Земле.

– Да?

– Кстати, сон был на удивление реалистичным, даже такое ощущение, что он действительно был.

Мария Юрьевна рассмеялась.

– А он тебе случайно свой телефон не оставил? Эх, Вася, Вася, может, у тебя галлюцинации начались? – она сделала недоверчивое лицо.

Василий усмехнулся.

– Всё, надо вести тебя к психиатру, – Мария Юрьевна улынулась и погрозила пальцем.

– А вдруг он и вправду был? – наполовину с иронией, наполовину с надеждой спросил Василий.

– Ой, да что ему у нас делать-то? Ты лучше иди, ешь, а то на работу опоздаешь.

– Иду.

– А ты, кстати, не знаешь, где у нас таблетки от головы? Не могу, голова раскалывается.

– Забудь, само пройдёт.

Василий оделся и, позавтракав, ушёл на работу.

Николай Александрович открыл дверь и зашёл домой. Он бросил ключ на тумбочку и, не разуваясь, прошёл на кухню

и сел за стол.

Он посмотрел на жену, затем отвёл взгляд и тяжело вздохнул.

– Ты, я вижу, сегодня не в настроении, даже не поздоровался, – Татьяна отложила полотенце и села рядом.

– Чует моё сердце, хана фирме.

– Ты это уже не в первый раз говоришь.

– Да, но сейчас всё действительно очень серьёзно.

– И что же случилось?

– Сегодня у меня должен был быть один очень важный человек, с которым мне было просто необходимо заключить контракт, а он, сволочь, позвонил и сказал, что он, видите ли, нашёл компанию получше, – Николай Александрович сделал паузу. – Даже не захотел меня слушать, козёл.

– Это опять, что ли, Владислав... как его там? Ну, да не важно. Это он тебе опять палки в колёса вставляет?

– Да, этот... – Николай Александрович стукнул кулаком по столу и уставился куда-то на стену.

– Неужели никто не знает, что это за тип?

– Видимо, не знают или делают вид, что не знают. Он же, урод этакий, стартовый капитал на воровстве сделал, он всех своих конкурентов со свету сжил, а одного особо настырного и вовсе пристрелил. У него же по глазам видно, что как только он побольше денег нахапает, так сразу и смоемся, это он пока ещё над своими клиентами не особо издевается. Как хоть люди ему могут верить? Всё выгоду ищут...

– А ты не пробовал с Геннадием Борисовичем договориться? Может вместе бы вы и придавили этого Владислава.

– Таня, не смей меня, с этим барыгой вообще нельзя никаких дел иметь, он за копейку удавится.

– Да?

– Тоже вот странный человек, – Николай Александрович усмехнулся. – Вроде умный, из ничего вон какое состояние сколотил, а порой становится тупой, как пробка.

– Почему?

– Ходят слухи, что он с этим Владиславом даже договор о сотрудничестве заключил.

– Не может быть...

– Как хоть он не понимает, что этот тип его одного в течение полугода раздавит? А не раздавит, так убьёт. Всё за деньгами гонится, думает, сам Владислава облапошит.

– А что? Всё может быть. Хотя Владислав понаглей и в методах не стесняется, но Геннадий-то поумнее его будет, ещё неизвестно, кто кого обставит.

– В любом случае обставят меня, – Николай Александрович ещё раз вздохнул. – Неужели он не понимает, что с такими людьми вообще нельзя никаких дел иметь!

– Видимо, не понимает.

– Этот Владислав дело его племянника угробил, а он ещё с ним договоры заключает.

– Племянник племянником, а в бизнесе чувствам не место. Хочешь жить, умей вертеться. Сейчас только такие лю-

ди и выживают, заработать много денег и при этом никому не сделать ничего плохого – это нереально.

– Да что ты мелешь, Тань? – разозлился Николай Александрович. – Я уже почти десять лет в бизнесе, а ещё никому палки в колёса не вставлял. Всё от человека зависит, если человек сволочь, то он и в церкви всех попов выживет.

– Хочешь сказать, что деньги не влияют на человека? – удивилась Татьяна. – По-моему, чем больше денег, тем человек становится хуже, пока эти самые деньги не станут для него смыслом жизни.

– Не носи чепухи... – возмутился Николай Александрович, но Татьяна не дала ему продолжить.

– Это как снежный ком, стоит только начать. Человек просто перестаёт быть самим собой по определению, – Татьяна сделала паузу и задумалась. – Хотя, может быть всё наоборот? Обретаешь себя, становишься таким, как и миллионы лет назад, то есть без всяких там высоких чувств, чести, совести и тому подобного. Может быть, настоящие Люди – это не Пушкин, не Достоевский, а Билл Гейтс или Рокфеллер? Они обретают связь с прошлым, идя в будущее. Может быть, зависть, гордыня и месть и есть наши главные, наши природные чувства? Через которые мы вновь придём к той простой, в психическом плане, жизни, которая была у наших предков, у каких-нибудь питекантропов. И не будет никаких надуманных идеалов, вечных и совершенно бессмысленных поисков и прочей ерунды, которая только забивает головы и

мешает жить *нормальным* людям.

Николай Александрович засмеялся.

– Ты хоть сама поняла, что сказала? Тоже мне философ нашёлся! Ты вон лучше за ужином смотри, а то уж гореть начало.

– Ой, правда.

Татьяна встала и подошла к плите.

В дверь позвонили. Николай Александрович откинулся на спинку стула, и устало потёр глаза. Татьяна косо посмотрела на него, но, ничего не сказав, бросила готовку и пошла открывать дверь.

Василий, как обычно всё утро таскал ящики, но почему-то все его мысли были только о том странном сне. Что-то никак не вылетали слова Павла из его головы, тем более, что всё было так реалистично.

Василий решил отдохнуть и присел на один из ящиков.

К нему подошёл Михалыч и сел рядом.

– Что-то ты сегодня сам не свой. О чём мечтаешь?

– Да так, сон мне сегодня какой-то странный приснился...

– Ну, рассказывай.

– Как будто я с апостолом Павлом разговаривал, и он сделал меня мессией.

– Эка невидаль, – Михалыч закурил папиросу. – Это ещё что, мелочь, я вот во сне однажды с Путиным разговаривал.

– Да не, это всё не то. Сон был такой реалистичный, и из

головы никак выходить не хочет.

– Ну, тогда тебе к психиатру надо, это дело запускать нельзя.

– Да что вы всё к психиатру, да к психиатру, достали уже, – разозлился Василий.

Тут к нему подошла тётя Клава и сказала, что ему звонит мать.

Василий встал и, отряхнувшись, пошёл к телефону.

– Привет, что случилось?

– Забыла тебе сегодня сказать, чтоб ты хлеба купил.

– А-а, куплю.

– Не забудь только.

– Постараюсь.

Недолгое молчание.

– А знаешь, Вась, голова-то у меня сегодня через пять минут прошла, почаще бы тебе такие сны снились, – она засмеялась.

Василий не на шутку удивился.

– Да?

– Честное слово. Даже удивительно, обычно если у меня утром начала болеть голова, то это как минимум до обеда, а тут...

– Вась, хватит лялякать! – послышался голос Санька.

– Ну, всё, я пошёл, меня зовут.

– Как будто без тебя не обойдутся.

– Ну, надо же совесть иметь.

– Ладно, тогда до скорого.

– Пока.

Василий положил трубку и на секунду задумался.

– Эй, хватит халтурить, – снова прокричал Санёк. – Не одному ж мне здесь корячиться, и так спина болит.

– Да не бреши ты, ничего у тебя не болит.

Василий усмехнулся таким странным мыслям по поводу этого сна и решил пойти на подмогу.

Не прошло и нескольких секунд, как Санёк снова прокричал.

– Вась, ты волшебником, что ли, стал? Гля, у меня и правда спина болеть перестала.

Василий так и застыл на полушаге.

За эти несколько мгновений, что он так стоял, у него в голове пронеслось, наверное, с миллион мыслей. Он начал чувствовать какую-то силу, которая стала всё сильнее и сильнее овладевать им. Василий наконец-то начинал верить.

– Ну, ты, Вась, даёшь, – съехидничал проходящий мимо Михалыч.

– Ты у нас теперь великий маг, – улыбнулся Санёк и вновь принялся за работу.

Василий поднял на них глаза, глаза совершенно нового человека, или даже и не человека вовсе.

– Я не понимаю... – еле слышно прошептал Василий.

– Вась, хорош придуливаться, давай работай.

– Этот сон – не сон...

– О-о, Вась, да у тебя крыша съехала.

– Вася у нас теперь посланник Бога, – хихикнул Михалыч и вновь повёз тележку.

Санёк тоже улыбнулся.

– Что у тебя сейчас болит? – как-то странно, без интонаций, спросил Василий Михалыча.

– Чего?

– Что у тебя болит? – настойчивее повторил Василий.

Михалыч остановился и, посмотрев на него, задумался.

– Ну, у меня много чего болит. Вот нога правая, например, перед дождём всё время ноет, аж сил нет. И сейчас болит, наверное, завтра дождь будет.

– Не болит у тебя нога, – повелительно сказал Василий и посмотрел Михалычу в глаза.

Михалыч удивлённо посмотрел сначала на ногу, затем на Василия и медленно сел на ящик.

Санёк забеспокоился.

– Э, Михалыч, тебе плохо?

– Мне... мне... – начал было он. – Вася... – он снова за-
пнулся. – Твою мать!

Татьяна открыла дверь и, улыбнувшись, поздоровалась с Юрием.

– Привет.

– Привет, ма. Как делишки? – было видно, что у Юрия сегодня приподнятое настроение.

– Хреновые у нас делишки, – прошептал Николай Александрович.

– Коль, не начинай. Проблемы с работой надо и оставлять на работе.

– Это не мои проблемы, а наши проблемы, я не ради одного себя живу.

– Да ладно тебе, па, всё утрясётся.

– Тебе хорошо говорить, ты ничего не делаешь и ничего не зарабатываешь, – Николай Александрович был сегодня не в духе. – А когда вот будешь пахать с утра до ночи, тогда посмотрим, каким ты будешь спокойным.

– А я вообще не буду работать, в вашем смысле слова, – как ни в чём ни бывало ответил Юрий. – Я буду совершенствоваться внутренне, остальное неважно.

– Ты смотри, как заговорил, – всплеснул руками Николай Александрович. – А жить-то ты на что будешь? Или ты будешь едино лишь духом святым питаться?

– Па...

– Квартиру ты этим проходимцам, кстати, подарил совсем не духовную, а очень даже материальную, на мои денежки, между прочим, купленную.

– На пути к большему приходится жертвовать меньшим.

– Совсем, я вижу, тебе мозги запудрили в этой секте, ты...

– Это не секта, – в очередной раз повторил Юрий.

– Не перебивай меня! – разозлился Николай Александрович. – Сегодня ты подарил им свою квартиру, завтра и на-

шу квартиру подаришь, а послезавтра ради этой своей секты прирёшь нас с матерью, так?

– Коля, ну хватит тебе, не надо срывать злость на нём, – начала успокаивать его Татьяна.

Николай Александрович замолчал и стукнул по столу.

– Ничего вы не понимаете, – Юрий махнул рукой и, расстроенный, пошёл к себе в комнату.

Николай Александрович молчал.

Татьяна продолжала готовить.

Уже через несколько часов слух о сверхъестественных возможностях Василия облетел все склады, и к вечеру к нему уже выстроилась очередь.

Почти каждый подходивший скорее хотел проверить Василия на предмет его возможностей исцеления, нежели действительно исцелиться, и уже после нескольких слов уходил от него с непоколебимой уверенностью.

К вечеру Василий мог уже совершенно непринуждённо исцелять людей от мучавших их недугов, а также мог легко рассказывать судьбы пропавших родственников и, если что, подсказать, какой лучше выбрать путь.

Уже к самому концу рабочего дня, который, естественно вышел не рабочим, подъехал владелец складов и, узнав о появившемся среди его подчинённых целителе, тоже решил проверить Василия. А так как здоровье Владимира Алексеевича не подводило, а судьбы родственников были ему мало

интересны, то он решил просто вывести Василия на чистую воду.

Владимир Алексеевич подошёл к Василию, стоящему на большом ящике и с усмешкой на губах посмотрел на него.

– Эй, Вась, говорят, что ты посланник Бога, – Владимир Алексеевич ехидно прищурил глаз. – А почему это Бог выбрал именно тебя?

Василий как-то странно перекрестил улыбающуюся женщину и обратил свой взгляд на Владимира Алексеевича.

– Потому что я верую.

– Ну и что? Я тоже верю в Бога.

– Это не вера, это привычка. Ты слаб духом, я это вижу.

– Как же ты это видишь?

– Неважно. Тебе уже пятьдесят два года, пора бы уже подумать о лучшем мире.

– Кто тебе сказал, что он лучший? Может, лучше этого мира ничего и быть не может?

– Нет, этот мир далеко не лучший, но в наших силах сделать его таковым. Истинно говорю вам, если захочешь, чтобы гора сдвинулась, она сдвинется. Нет препятствий для духа человеческого, едино лишь для пристанища его есть...

Все были до глубины души поражены этим разительным переменам в Василии. Как он стал говорить, какой взгляд, какие жесты... Нечеловеческое всё какое-то, всевластное.

Если бы он ещё вчера вот так бы встал на ящик и начал говорить о том, как надо жить, его просто бы засмеяли, а

сейчас все стоят и слушают, веря каждому его слову. Даже Санёк с Михалычем прислушивались. Они слушают, и выражение их глаз меняется; одна часть их существа начинает стремительно расти, вытесняя другую, досель практически неразделимо властвующую. Всё в них копошится, противится, но не могут люди не прислушиваться, по крайней мере, большинство.

– И что же нам делать, о, Василий? – Владимир Алексеевич издевался. – Как теперь жить?

– Надо жить, слушая сердце, слушая душу, а не желудок. Почему вы набиваете желудок, а сердце оставляете голодным? Прислушайтесь, слышите, как оно хочет есть? Пожалейте его.

– Но я не чувствую, чтобы у меня урчало в сердце, – засмеялся Владимир Алексеевич и посмотрел по сторонам, но никто не поддержал его смеха.

– Потому что ты большинство, ты чувствуешь только свою материальную составляющую. Учитесь чувствовать не телом, но душою и многое тогда в вашей жизни изменится.

– Жаль не в лучшую сторону. А если я... – опять начал было Владимир Алексеевич.

Василий опустил глаза и покачал головой.

– Хватит вопросов. Какой смысл убеждать волка в том, что он должен питаться травой? Вера в *эту* жизнь у тебя уже неискоренима, ты умер.

Владимир Алексеевич встретился взглядом с Василием, и

по его коже побежали мурашки. Он как-то аляповато махнул рукой и, развернувшись, не спеша пошёл на улицу, не сказав больше ни слова.

Василий несколько секунд провожал его взглядом, но вскоре вновь начал учить.

Да, встреча двух стихий в уверенном существе Владимира Алексеевича повергла его самосознание в некое замешательство. Он весь вечер сидел в машине и думал о сказанном Василием. Всё было в смятении, в хаосе, одна мысль легко опровергала другую, на место которой тут же становилась новая. Но через два часа ему позвонили и сказали, что пришла очень неплохая и дешёвая партия товара, после чего Владимир Алексеевич решил, что хватит маяться дурью, и немедленно жестоко подавил ростки.

– Ты видел это?– спросил Пётр, почёсывая бороду.

– Да, для первого раза неплохо. Главное, что он всё понял и принял это.

– А по-моему, даже слишком высокомерно, с людьми надо быть проще.

– А ты что хотел? Он же не каждый день такие проповеди читал, первый раз всё-таки.

– Да, первый раз.

– Посмотрим, что дальше будет.

– Я боюсь, как бы он не возгордился и не зачерствел, тогда конец.

– Ну почему ты такой пессимист? Чуть что, так сразу конец.

– Почему же пессимист? Я реалист. Надо реально смотреть на вещи, тогда всё будет просто и понятно.

– Что будет просто и понятно? Отношение к жизни, мир, или что-то там ещё? Ничего не будет проще, как раз-таки наоборот всё будет только сложнее, то есть хуже.

– Это ещё почему?

– Если быть реалистом или пессимистом, что в принципе одно и то же, то это значит жить по-настоящему, без лишних желаний, без мечтаний. А разве без этого можно жить нормально? Или даже можно ли жить вообще?

– По-твоему только оптимисты могут мечтать?

– Конечно, нет. И реалисты-пессимисты тоже могут, но им это не надо. Зачем копать в мыслях, которые только расстраивают? Зачем мечтать, если думаешь, что это всё равно не сбудется? Если бы Христофор Колумб был реалистом, то он бы не открыл Америку.

– Как ты говоришь, так получается, что мы все оптимисты.

– Крайностей не бывает, но по большей части мы все именно оптимисты.

– Чушь ты какую-то несёшь. Настоящими оптимистами могут быть только животные, ибо они не знают даже того, что умрут, а если знаешь хотя бы это, то ты уже не оптимист.

– Ну, это само собой.

– А что ж ты тогда?

– В конце концов, прекрати вдаваться в такую страшную метафизику, все понятия надо принимать усреднёнными, только тогда размышления будут похожи на правду.

– Понятия обозначают крайности, в мыслях нет понятия среднего. Как можно думать усреднённо о крайностях?

– На Земле люди трактаты таким образом писали.

– Ну, в принципе от этого никуда не денешься.

– Ну и что тогда об этом вообще говорить?

– Лучше хоть как-то сказать, чем не сказать ничего.

– «Всё половинчатое портит целое».

– А что поделать, если нет целого?

– Ничего.

– Лучше уж хоть что-то, чем ничего.

– Одни слова. И твою и мою точку зрения можно опровергнуть в течение десяти минут.

– Ну и что? А говорить-то хочется.

– В *этом-то* всё и дело!..

В дверь постучали.

– Войдите, – скомандовал Павел.

В дверях показалась очаровательная секретарша и еле слышно сказала:

– Пришёл список претендентов на вакансии, вам принести?

– Неси.

Секретарша кивнула и удалилась.

– А на счёт Василия – это ты зря, ты слишком всё преувеличиваешь.

– Ну, хорошо, может быть.

– Дурацкая у тебя привычка...

– Всё, я уже молчу, – Пётр не любил, когда его начинали критиковать.

– Ладно, ладно.

Павел развалился в кресле и стал ждать секретаршу со списком.

Василий уже почти полчаса сидел на кухне, не проронив за это время ни единого слова.

– Что-то с тобой сегодня не то, Вася, не приболел ли ты? – Мария Юрьевна закончила переворачивать блины и тоже села за стол.

– Я теперь мессия, – как ни в чём небывало ответил Василий и посмотрел на мать, которая в свою очередь недоумённо уставилась на него.

– Ох-ох-ох, завтра же идём к врачу.

Василий всё так же пристально смотрел на неё.

– У тебя сейчас опять болит голова, я вижу. Всё, больше она у тебя болеть не будет, и валидол больше не пей, он тебе не нужен.

– Чего?

– Чувствуешь, как ровно и уверенно стало биться сердце?

Мария Юрьевна вытерла руки и, почувствовав, что в ней

действительно что-то начало меняться, набожно перекрестилась.

– С-сынок... Неужели правда?

– Ты же чувствуешь, что да. Верь сердцу.

Она покачала головой и, окончательно поверив, улыбнулась Василию.

– Ух ты, – обрадовалась она. – Это какие же теперь деньги можно заработать? Ты станешь миллионером!

Василий испуганно посмотрел на неё.

– Мама, о чём ты? Как ты можешь так говорить? Причём тут деньги?

– А что такого?

– Этот великий дар дан мне не для того, чтобы я деньги зарабатывал. Я должен наставлять людей на правильный путь, должен помогать в их горе...

Мария Юрьевна вздохнула и грустно опустила голову.

– Я уж было обрадовалась, что ты нормальным человеком станешь, а, оказывается, ты ещё больше чокнулся. Деньги тебе сами в руки плывут, только гребь. Можно ведь людям и за деньги помогать, кто хочет жить, тот заплатит.

– Если я начну брать деньги, то моё животное начало начнёт усиливаться, а его очень трудно остановить, тогда оно рано или поздно захватит меня целиком, и я лишусь этого дара, а этот дар бесценен, как бесценно всё человечество.

– Да что тебе человечество? Ты хочешь его исправить? Зачем тебе эта кучка безмозглого мяса? О себе надо думать.

– Ты называешь человека безмозглым мясом?

– Я имею в виду толпу, а не конкретную личность. Человек звучит гордо, толпа звучит ничтожно. Стадо оно и есть стадо, будь то хоть коровы, хоть овцы, хоть люди, суть одна.

– Но именно людей я и хочу изменить, а не конкретного человека.

– Нельзя, исправив десять человек, исправить толпу в сотню человек, скорее наоборот исправят тех несчастных отщепенцев. Ничего ты не изменишь, это же ясно, как божий день.

– Иисус изменил мир, и я изменяю.

– Иисус изменял тысячи, а не миллиарды, да и то, что толку? Только другому Богу стали молиться, а как скотами были, так скотами и остались.

– Если даже на примере одного человека толпа не будет меняться, то я буду изменять сознание толпы. Толпа просто перейдёт на новую ступень.

– Да что ты такое говоришь? – возмутилась Мария Юрьевна. – Нельзя изменить толпу кардинальным образом, таким, каким хочешь изменить ты, *нельзя*. Развитие людей непрерывно, не может быть никаких скачков и ступеней. Вот человек, например, только тогда может принять идею, когда он ею проникнется, когда он её переживёт, а у толпы нет мозгов, она не может что-либо осознать и принять, она может только переварить всё то, что мешает её спокойному существованию.

– Ничего ты не понимаешь.

– Это ты...

– Если изменить десятерых, то каждый из них изменит ещё десятерых и так будет до тех пор, пока не изменятся все.

– Ты не учитываешь того, что с каждым новым человеком вера уменьшается, по причине удалённости от источника. Так что, если первый изменит десятерых, то пятый уже одного, а шестой, так и вовсе ничегошеньки не изменит.

Василий удручённо покачал головой.

– Неужели ты так прогнила?

Мария Юрьевна не обиделась.

– Эх, Вася, Вася, ничего-то ты не понимаешь. Ничего не изменится, только загубишь ты себя.

– Изменится.

– Меня бы хоть пожалел, сил моих больше нет в этой нищете жить.

– Мама, не надо.

– Ну что значит не надо? Думаешь, мне легко?

– Мы не голодаем и это главное. О сердце подумай, *оно* нищенствует.

– Я уже давно сложились, меня не изменишь, – Мария Юрьевна вздохнула и, помолчав секунду, добавила. – Совсем ты свою мать не жалеешь. Ладно, ешь блины, а то остынут.

На следующее утро Василий двинулся в путь.

Глава 3

Василий уже почти два месяца ходил по стране, исцеляя людей и проповедуя новую веру. Теперь он был не один, месяц назад у него появился ученик, звали которого Иван. Был он лет на пять моложе Василия, однако ж и лицом, и телосложением они были очень похожи. До встречи с Василием Иван учился в университете, но, проникнувшись новой верой, забросил это дело и пошёл за Учителем.

Жить им сейчас было довольно трудно. Денег никогда не было, ели они только то, что дадут и спали там, где застала их ночь, ну или в лучшем случае у добрых приютивших их людей. Весть о новом пророке облетела все окрестные области в течение двух недель, но Василий, просясь к кому-то на ночлег, никогда не говорил, кто он. Лишь на следующий день он начинал учить и исцелять, и только тогда все узнавали, кто он есть на самом деле.

Большую часть времени Василий и Иван рассуждали о жизни, о людях, о Боге и о прочих вещах. Вот и сейчас они мирно разговаривали, идя в очередной город.

Погода была на удивление хорошая.

– Василий, вот я смотрю на Солнце, на траву, на птиц и поражаюсь, неужели всё это создал Бог?

– Всё не совсем так, как писано, поэтому я и несу *новую* веру.

– То есть, ты хочешь сказать, что ранее нас всех обманывали? Обман – зло, значит и писание – зло?

– Конечно, нет. Люди не поняли бы тогда правду, так было надо. Когда мать говорит ребёнку, что лекарство сладкое, она обманывает его, но зло ли это?

– Нет, – Иван задумался. – Так, когда же обман благо, а когда зло?

– Как сам решишь, всё зависит от тебя. Сердце, душа должны говорить, хорошо это или плохо.

– Ты всё время говоришь о душе, а разве она не может ошибаться?

– Она не отсюда. Там, где она родилась, ошибок не существует.

– Но ведь у каждого разная совесть, душа, одному они позволяют это, а другому нет, соответственно для одного это будет добром, а для другого то же самое будет злом.

– Души в этом плане у всех одинаковы, вмешательство в них разума различно.

Тут с ними поравнялась машина и резко остановилась. Из неё вылез мужчина с очень довольным видом. По нему сразу было видно, что он из тех, кто всегда спешит и хочет знать всё.

– Здравствуйте, Василий, – заулыбался он.

– Добрый день.

– Я корреспондент местной газеты. Мне сказали, что вы идёте в эту сторону, и вот я вас, наконец, нашёл.

– Не стоило.

– Давайте я вас подброшу до города, а заодно уж мы по-

беседуем.

– Спасибо, но мы и сами дойдём.

– Ну, тогда разрешите хотя бы задать вам несколько вопросов.

– Нет.

– Почему?

– Через бумагу нельзя *говорить*.

– Но зато вас все будут знать...

– Меня это не волнует, я не даю интервью. Хотите знать, о чём я думаю, по стойте на площади вместе с остальными.

– Ну, хоть вопрос...

– Нет.

– Но...

– До свидания.

– Хотя бы скажите...

– Идите с Богом.

– Ну что же, я вижу, разговора у нас не получится.

– Вы всё правильно поняли.

– Хорошо, до свидания.

– До свидания.

Корреспондент сел в машину и, быстро развернувшись, поехал обратно.

Василий посмотрел ему вслед.

– Никогда не поймут люди того, чего у них нет. Как я могу говорить через бумагу? Через газету я не могу ничему научить, меня не поймут. Всё исказят и переиначат. Человек

должен чувствовать. Пусть он даже будет один, но это всё равно лучше, чем тысяча читателей.

– Но ведь с помощью средств массовой информации можно охватить гораздо больше людей...

– Ты меня не слушаешь. Через бумагу можно передать только слова, но не силу, а слово без силы всего лишь поток воздуха.

Иван понял, и они продолжили путь.

Николай Александрович сегодня опять был не в настроении. Дела на работе совсем не ладились.

Он открыл дверь и, разувшись, прошёл в зал, где Татьяна и Юрий смотрели телевизор.

Николай Александрович устало завалился в кресло.

– Ну как прошёл день?

– Как обычно, хуже некуда.

– Опять с фирмой проблемы?

– Хана моей фирме.

– Ну, зачем ты так? Всё наладится, – обнадёжила его Татьяна.

– Да ни черта не наладится, задавят меня.

– Не накаркай.

Николай Александрович вздохнул.

– Будем с вами жить на помойке и питаться хлебом с водой.

– Упаси Господи!

– Бог здесь не помощник, – вставил Юрий.

– Бог, Бог, вот так ты и помрёшь с ним с голодухи.

– Главное, что *с ним*.

– Ты ещё в монахи постригись, – начал злиться Николай Александрович. Последнее время он заводился с одного слова.

– Коля, не надо, – покачала головой Татьяна.

– А что такого?

– Ничего.

– Духом единым сыт не будешь, а вкусно поесть и вкусно пожить любят все.

– Куда катится мир? – пожал плечами Юрий.

– Что естественно, то не безобразно и выбей, наконец, эту дурь из головы, – вспыхнул Николай Александрович

– Это не дурь.

– Самая настоящая сектантская дурь.

– Я ещё раз повторяю, это не секта, – процедил сквозь зубы Юрий. Очень уж ему не нравилось, когда его братьев и сестёр называли сектантами.

– А что же это ещё может быть? Обычная секта.

– Ничего ты не понимаешь.

– Зато ты стал очень уж понятливым, да? – не на шутку разозлился Николай Александрович.

– Да, вот я многое понял! – тоже начинал злиться Юрий.

– Дурак ты и ни хрена ещё не понимаешь.

– По себе людей не судят.

– Чего?..

– Коля, ну хватит тебе, – попыталась успокоить его Татьяна.

– Долбанные сектанты, ты смотри, как мозги умеют прочищать.

– Это не секта!

– Ну что вы, в самом-то деле, – всё пыталась разнять их Татьяна.

– Он ещё учить меня будет!

– Буду, и тебе ещё учиться и учиться.

– Чему, этому? – усмехнулся Николай Александрович.

– Папа, жить надо так, чтобы процветала прежде всего душа, пусть даже в ущерб телу.

Николай Александрович развёл руками.

– Ну что за бред? Какая ещё такая душа?

– Самая обычная.

– Нет никакой души.

– Есть.

– Душа – сказка для дебилов и самых маленьких, а тело – вот оно, – он хлопнул себя по ноге. – И если ты загнёшься с голодухи, душе от этого лучше не станет.

– Ну, почему же не станет? Тело умрёт, а душа станет свободной, она наконец-то освободится от этой чёртовой мясной тюрьмы.

– Господи, да что ты такое говоришь? – испугалась Татьяна.

– Для души надо жить, для души, а не для мяса!

– Это ты своим братьям и сёстрам можешь рассказать, мне

ты мозги не запудришь

– Было б что пудрить.

– Сынок, он прав.

– Прав?

– У тебя стали появляться какие-то нехорошие мысли...

– С вами других не получается.

– Жить надо, а не в душу играть.

Юрий покачал головой.

– Как хоть так вы живёте?

– Мы живём, как все нормальные люди, это ты...

– Господи, я живу среди червей, которые копошатся в своём навозе, и при этом думают, что это лучший из миров.

– Ты выбирай выражения! Мы всё-таки твои родители, а не дядька с тёткой.

– Мне стыдно за таких родителей!

Юрий посмотрел им в глаза и, резко встав с дивана, направился к двери.

– Юра, ты куда? – забеспокоилась Татьяна.

– Туда, где меня понимают.

– Опять к этим?

– Мне противно здесь сидеть, – прокричал Юрий с порога и хлопнул дверью.

Некоторое время стояла напряжённая тишина.

– Ну вот, Коля, молодец. Зачем ты так?

– Молчала бы ты.

– Зачем ты срываешь зло на Юре?

– Я ничего не срываю, я говорю правду.

– Ну-ну.

Николай Александрович простонал.

– Как же вы меня все замучили.

– Мог бы и пообходительнее, а то вот, ушёл.

– Не первый раз. Завтра вернётся, как миленький, куда он денется?

– Тебе надо перед ним извиниться, он всё-таки наш единственный сын.

Николай Александрович вздохнул и потёр уставшие глаза.

– Ладно, завтра извинюсь. Пошли ужинать.

Павел и Пётр вошли в кабинет Босса и, сделав чисто символический поклон, сели за стол, за которым уже сидел этот вечно ухмыляющийся тип.

– Ну, рассказывайте, как начало? – пробасил Босс.

– Всё идёт так, как и должно идти. Василий в полной мере осознал свой дар и начал правильно им распоряжаться.

– Я думаю, начало неплохое, – добавил Пётр.

– Хм, а вот он придерживается другого мнения.

– Да, другого, – он, как обычно усмехнулся – Известно ли вам, что все люди, коих Василий «наставил» на путь истины, максимум через неделю возвращались к прежней жизни?

– Нет, это неправда, – возмутился Павел.

– Правда, правда, – он хихикнул. – Эти людишки конечно ещё помнят его слова, испытывают благодарность за исцеление... Но они так и не поняли, что значит накормить сердце, что значит изменить душу.

– Почему же не помнят? Они...

– Они помнят, что надо, говорят, что надо, но это только слова и бесплодные мысли, перемен даже не намечается. А «вера без дел мертва», так ведь?

Босс кивнул.

– Он предложил закрыть проект, и не тратить попусту наши силы.

– Но нельзя же судить обо всём всего лишь через два месяца.

– И я думаю, он прав, – согласился Босс.

– О том, удачный ли получился эксперимент или нет, можно будет судить только после смерти мессии.

– Да уже всё и так ясно...

– Кстати, – вспомнил Босс. – Вы нашли человека, который должен будет его убить?

– Ищем.

– Ищите, потому что вы и сами знаете, если он умрёт не насильственной смертью, то дальше всеобщего восхищения дело не пойдёт.

– Мы это понимаем.

– Как там у тебя?

– «Где завещание, там необходимо, чтобы последовала

смерть завещателя»

– Да, вот именно. Люди могут понять только мысли покойников, ибо они проще, потому что их некому исправить.

– У нас уже есть несколько человек на примете.

– Вот и замечательно.

– У нас всё под контролем.

– Хорошо бы.

– Мы можем идти?

– Да, все свободны.

Разговор получился недлинным, но ёмким. Все встали и разошлись по своим кабинетам.

Разозлившись на всех в этом проклятом мире, Юрий пошёл туда, где ему верили, и где он мог верить. Подойдя к дому, а вернее к храму, Юрий заметил, что на верхнем этаже горит свет. Брат Виктор и брат Сергей, видимо, ещё не спали, несмотря на поздний час. В самом доме никого уже не было, и Юрий решил заглянуть на полчаса к духовным лидерам, дабы излить им душу и спросить совета.

По религиозным причинам дверь храма никогда не была закрытой, поэтому Юрий тихо вошёл и не спеша поднялся на второй этаж.

Дверь в комнату была приоткрыта, и из комнаты слышался оживлённый разговор.

– Тихо! По-моему кто-то поднялся, сходи посмотри.

– Седой, ты либо ошалел? Какой дурак может припереться

в первом часу ночи?

– А хрен его знает, может какой придурок из наших решил нам спокойной ночи пожелать?

– Не до такой же степени они идиоты.

– Это ещё кто их знает.

– Да даже наш любимый Юра до такого не додумался бы.

Юрий поднялся и уже собрался постучаться, но, услышав своё имя, взял грех на душу и решил немного послушать, что о нём думают.

– Юра до чего угодно может додуматься. Он фанатичен до крайности.

– Это точно.

– Видел, какую хрень сегодня написал?

Юрию было плохо слышно, и он начал внимательно прислушиваться. Интересно же знать, что о тебе думают высшие инстанции.

– Да, баран он, конечно, редкостный, наивный, как ребёнок. Это надо же, променять квартиру на непонятно что!

Юрий так понял, что он что-то не так расслышал.

– Здесь конечно тебя надо похвалить, уж что-что, а убеждать ты умеешь.

– Это точно. Дар у меня, что ли, такой? Наверное, смогу и Бога убедить, что я ангел.

Юрий услышал, что они заговорили о Боге.

– Ну ладно, Серж, давай думать, что дальше делать будем? На этом деле мы уже бабок достаточно нагрели, наши пре-

данные братья у маменек с папеньками, наверное, уже все финансы потырили, так что ловить нам в принципе тут больше нечего. Да и мент сегодня какой-то приходил, не понравились мы ему чем-то, видите ли.

Юрий что-то перестал понимать, при чём здесь «достаточно нагрели» и мент. В результате он списал это на то, что плохо расслышал фразу целиком. И всё равно было интересно.

– Ещё бы мы ему понравились! – усмехнулся Сергей

– Пришлось ему отстегнуть.

– Много?

– В пределах нормы.

– И то хорошо. Вообще-то я удивился бы, если бы нами не заинтересовались.

– Это конечно да! – засмеялся Седой. – Мы ж полжизни на нарах просидели!

– Вот кто знал, что мы будем нести пургу каким-то идиотам? – тоже засмеялся Сергей.

Теперь-то Юрий всё услышал, и это мгновенно повергло его в ужас. Всё как-то сразу стало ясно, вспомнились слова отца и матери. Было так обидно, так страшно, что Юрий просто был в шоке. Весь мир предал его. Юрий не мог произнести ни звука, в голове было только «Как? Как? Не может быть! Неужели? О нет! Как же?..» Такого предательства он никак не ожидал.

Юрий испуганно попятился назад.

– Седой, тихо! Кажется, опять лестница скрипит.

– Ты что?

– Иди, посмотри, кто там припёрся.

– Серж, у тебя глюки, что ли?

– Иди, посмотри, я сказал!

Седой нехотя пошёл смотреть.

– Брат Юрий? – не поверил своим глазам Седой.

– Что привело тебя к нам в столь поздний час? – как ни в чём не бывало спросил Сергей. По нему даже нельзя было сказать, что он удивился, а уж тем более испугался.

– Как вы, вы... – Юрий был всё ещё в шоке.

– Юрий, что случилось?

Шок проходил, и вместо него стала появляться тупая злость.

– Вы ублюдки, сволочи! Вы предали не только меня, вы предали всех! – Юрий от распирающего его гнева стал похож на сумасшедшего. – Как я мог поверить вам?!

– Брат Юрий, ты всё не так понял... – его безумные глаза не очень-то нравились Сергею.

Седой молча стоял в сторонке и пристально наблюдал за этой сценой.

– Юрий, послушай... – Сергей положил руки ему на плечи.

– Убери руки, сволочь!

– Юрий, пойдём...

– Никуда я не пойду!

– Нам надо...

Юрий с силой оттолкнул его и, поддавшись гневу, тут же ударил его в лицо.

Удар получился не очень точным, поэтому Сергей лишь пошатнулся.

– Подлец! Скотина! Получи! – кинулся на него Юрий, нанося удар за ударом.

Сергей без особого труда уворачивался и всё ещё пытался успокоить его.

– Юрий, Юрий...

Подоспел Седой и стал оттаскивать Юрия, но не тут-то было, Юрий был зол, как сто чертей и просто так в руки не давался. Он мгновенно развернулся и хорошо ударил брата Виктора, который, покачнувшись, упал и схватился за разбитую губу.

Сергей всё пытался успокоить его, но это у него никак не получалось.

– Да успокойся ты! Успокойся!

Седой встал и снова захотел скрутить Юрия, но тот, как и в прошлый раз, сильно ударил его.

– Юрий!

– Скотина!

– Успокойся ты, наконец! – Сергей уже тоже еле сдерживал себя.

Хороший удар заставил замолчать Сергея, и он чуть было не завалился на стол. Седой медленно вставал.

Сергей больше уже не мог сдерживать себя. Как назло, под

рукою оказалась трёхкилограммовая статуэтка и Сергей, даже не успев ничего сообразить, на мгновение дал волю чувствам и со всего маху ударил ею Юрия по голове.

Вот они, наконец, и пришли в следующий город. Было уже довольно поздно, хотя с тем журналистом они бы приехали ещё в обед. Но для них это не имело значения.

Город этот был довольно большой, хотя и являлся всего лишь районным центром.

На улице было уже темно, и, несмотря на то, что днём было жарко, сейчас чувствовался лёгкий холод. Василий постучался в один из домов, дабы как обычно попроситься на ночлег и, может быть, даже поесть. Хозяин дома ответил, что проходимцев здесь и так хватает, и что если уж им и правда негде переночевать, то пусть идут к местному знахарю – Фёдору, который никогда не откажет путникам в приюте, хотя человек он и странный.

Пройдя пару километров, Василий увидел старый покосившийся дом, стоявший несколько в отдаление от самого города, ближе к лесу.

Василий постучался.

– Ну, кто там ещё? – как-то обречёно ответил голос из-за двери.

– Путники.

– Что надо?

– Нам негде переночевать и...

– Входите, всегда рад гостям.

Дверь открылась, и на пороге показался старик, лет шестидесяти-семидесяти и, оценив гостей пытливым взглядом, жестом пригласил их войти.

Всё так же, не произнося ни слова, он накрыл на стол и опять же жестом пригласил их.

Василий и Иван сели.

– Откуда идёте, чего ищете? – начал расспросы Фёдор.

– Да вот, – отвечал Василий. – Ходим по городам, деревням, помогаем людям.

– Это чем же вы можете помочь? Молодые, хиленькие, даже дров наколоть, наверное, не сможете.

– Мы оказываем помощь другого рода, – влез в разговор Иван.

– О-о, – протянул Фёдор. – Очередные шарлатаны, наверное? Поразвелось вас... Я слышал только об одном настоящем целителе и пророке, звать которого Василий, я даже отсюда чувствую его силу, а таких, как вы, хоть пруд пруди.

– И как же вы это чувствуете? – невозмутимо спросил Василий, прожёвывая хлеб.

– Вам, простым смертным, этого не понять. Мы с Василием одни из немногих, кто одарены высшей силой.

– Высшей силой?

– Да, силой данной нам для исцеления людей.

– Он и есть... – начал было Иван, но Василий оборвал его.

– Вы хотите сказать, что вы целитель?

– Именно так, – не без гордости ответил Фёдор.

– Нет, – покачал головой Василий. – Вы не целитель, вы обманщик. Из-за таких, как вы, люди и перестали верить настоящим целителям, одарённым свыше.

– И откуда ж ты всё знаешь?..

Фёдор хотел продолжить, но вдруг встретился взглядом с Василием и, открыв рот на полуслове, неуверенно перекрестился.

– О Господи... Неужели это вы? Простите меня, не признал. Я чувствовал, что когда-нибудь я встречу настоящего пророка, и, наконец, этот день настал. – Фёдор ещё раз перекрестился и опустил глаза. – Простите меня.

– За что?

– Весь свой дар я растерял, променял на деньги, будь они трижды прокляты, а когда опомнился, было уже слишком поздно.

– Бог тебе поможет, – так же спокойно и невозмутимо отвечал Василий.

– Боюсь, он уже ничего не сможет сделать.

– Верь в себя, тогда и Бог поверит в тебя. Я знаю, что ты когда-то был настоящим целителем.

– Был...

– Старайся вернуть всё не на словах, а на деле.

Фёдор посмотрел на Василия, ожидая, что он скажет ещё, но Василий молчал.

– Если бы вы знали, как это сложно, вернуть всё на преж-

ние места. Сначала я не хотел брать денег, я всегда отказывался от них, но мне их буквально всучивали, а тут ещё внукам нужны были деньги на учёбу... Через некоторое время я уже смотрел на это совершенно естественно, а потом так и вовсе стал косо смотреть на человека, который не давал мне денег за мою помощь.

– Прискорбно это слышать.

– Я всё продал, – тяжело вздохнул Фёдор. – Всё.

– Деньги убивают Бога, и порою мне начинает казаться, что Бог при смерти.

Фёдор кивнул.

Они некоторое время сидели молча.

– Василий...

– Да.

– Я тут подумал...

– Не бойся, говори прямо.

– Разреши мне стать твоим учеником.

– Но это...

– Что мне для этого надо сделать?

– Тебе надо, прежде всего, слушать свою душу и учить других тому же.

– Так я могу идти с тобой?

– Не стоит, ты и так всё знаешь, надо просто открыть в себе это, а здесь я уже не помощник.

– Разреши мне хотя бы месяц побыть твоим учеником, чтобы я набрался силы и уверенности, а потом я вернусь в

этот город.

– Ну...

– Я изменю этот город, я превращу зверей, живущих здесь в настоящих людей, я смогу, верьте мне.

– Я верю.

– Хотя бы месяц.

– Не знаю...

– Я не буду мешать. Поймите, мне это необходимо.

Василий думал.

– Ну что ж, хорошо.

– Вы возьмёте меня? – обрадовался Фёдор.

– Завтра рано утром выходим.

Фёдор едва ли не заплакал от переполняющих его чувств.

– Спасибо, я вас не подведу. Когда я вернусь, этот город станет раем. Я сделаю это, обещаю.

– Что-то Юра сегодня так и не пришёл, – забеспокоилась Татьяна. – Не случилось ли чего?

– Да чего с ним может случиться?

– Да мало ли...

– На занятия, наверное, сразу поехал, – Николай Александрович зевнул. – Собирай завтрак, а то мне уже идти пора.

– Неужели он ночевал там?

– Скорее всего.

Николай Александрович сел за стол, Татьяна налила кофе.

– Неразговорчивый ты какой-то в последнее время.

– Проблемы, – Николай Александрович отпил кофе. – Вчера инвесторы отказали в займе, видимо, по указке этого урода. Так что всё, конец моей фирме.

– Ну, вот ты опять...

– Мне сейчас нужно очень много денег, иначе я и полугода не протяну. И помочь мне сейчас может только чудо, потому что никакие займы мне не светят.

– Да-а.

– Так что, всё, начинай сушить сухари.

– Неужели всё так плохо?

Николай Александрович кивнул.

– Ну не расстраивайся ты так, всё образуется, – попыталась приободрить его Татьяна.

– Да ничего не образуется, всё уверенно летит к чёртовой матери. Будем учиться жить без денег, – он уныло вздохнул и отпил ещё кофе.

Татьяна молчала.

– О-ой, на работе проблемы, с Юрием проблемы, я скоро чокнусь от такой жизни, а что делать – ума не приложу.

– Кстати, придёт Юра, не забудь попросить у него прощения, ты мне обещал.

– Да, я вчера погорячился.

– Ну, вот и хорошо, – обрадовалась Татьяна. – А то вы что-то совсем рассорились.

– Нервы это всё. Не могу держать себя в руках, а тут ещё он со своими проповедями.

- Коля, не начинай.
- Извини, я не хотел.
- Спокойней надо быть.
- Будешь тут спокоен.

Зазвонил телефон.

- Это, наверное, меня, я возьму.

Николай Александрович встал из-за стола и снял трубку.

Послышался грубый мужской голос.

- Квартира Хорошевых?

- Да.

- Николай Александрович?

- Да, это я.

– Здравствуйте, это из милиции. Сегодня утром нашли труп с паспортом на имя Юрия Николаевича Хорошева, вам нужно приехать на опознание в...

Дальше Николай Александрович уже не слушал.

Глава 4

С тех пор как убили Юрия прошло уже почти пять месяцев, но ни Николай Александрович, ни Татьяна до сих пор не могли оправиться от случившегося.

У Татьяны была жесточайшая депрессия, или скорее даже ангедония. В то утро она чуть было не сошла с ума, да и сейчас была на грани помешательства. Она забросила дом, себя, практически перестала разговаривать и почти каждый

вечер плакала.

Николай Александрович тоже находился в похожем состоянии, к тому же фирма его практически обанкротилась и только каким-то чудом ещё стояла на ногах.

В тот день был прохладный дождливый вечер. Татьяна уехала к подруге, и Николай Александрович был дома один. Он сидел на кухне, смотрел в одну точку, не переставая курил сигареты. Настроение было на редкость плохое. Он думал о своей жизни, о Татьяне, о Юрии; думал, как жить дальше и никак не мог найти ответа на этот самый сложный вопрос.

«Кто я такой? Зачем и почему я ещё живу? Кому я нужен? Вся моя жизнь – абсурд, чего я добился? Да ничего. «Жизнь коротка, потерпи немножко», – вспомнилась ему фраза, однажды увиденная на открытке. – К чёрту всё! Не хочу я больше терпеть, зачем? Ради чего и ради кого? Если я не нужен себе, значит, я не нужен никому.

Ну что я несу? – опомнился Николай Александрович и, встав, уставился в окно и снова подкурил сигарету. – Нет, всё правильно, и дело вовсе не в депрессии. Депрессия – это состояние, которое помогает нам реально взглянуть на мир. Самое реалистичное чувство в мире.

Не хочу я больше жить! – он сел и взялся за голову. – Не хочу и не могу. Одно лёгонькое движение бритвой и всё, спокойствие, гармония, единение с природой, тишина... А спокойствие – это хорошо, значит смерть – это не противная старуха с косой, а белокурая красавица с цветами и пленитель-

ной улыбкой на лице. Я хочу её увидеть. Она такая добрая, а здесь мне уже не за что цепляться. Надоело, всё надоело».

Николай Александрович потушил сигарету и не спеша, шагжок за шагком, пошёл в ванную. Он медленно и как-то отрешённо достал свою опасную бритву, посмотрел на неё ничего не выражающим взглядом, затем посмотрел в зеркало и, поморщившись, опустил голову.

«Надоело, всё надоело...» – шептал Николай Александрович. Он сел на пол, засучил рукав и сжал бритву сильнее.

Павел прочитал только что принесённый ему доклад и, потеряв руки, с довольным выражением лица откинулся на спинку кресла.

– Ну, наконец-то!

– Что же там такое? – Пётр отвёл глаза от каких-то бумаг.

– Скоро наша операция будет дополнена недостающим звеном.

– В каком смысле?

– «Где завещание...»

– А-а.

– Ага.

– И кто же это будет?

– Некий Николай Александрович Хорошев. Его сына убили какие-то лжепророки, так что повод у него есть.

– А причём здесь наш Василий?

– А какая ему разница?

– Как какая разница?

– Так он же всё равно настоящих убийц никогда не видел и даже не знает, как их зовут. Скажем ему, что убийца Василий, вот и дело с концом.

– Ой, нехорошо как-то.

– А что?

– Это ты привык убивать, я так не могу.

– Эх, давно это было... Не, ну убийца-то всё равно нужен, кому какая разница, кто и почему?

– Но Василий-то не виноват.

– Главное – чтобы этот Николай Александрович об этом не знал, а Василию всё равно. Смерть она и есть смерть.

– Ну не скажи, всё-таки приятнее умирать, если знаешь за что, а не так, совершенно бессмысленно.

– Вот когда он к нам придёт, тогда мы ему всё и объясним.

Пётр чувствовал, что это как-то нехорошо, но в принципе действительно, кому не всё равно?

– Ну, давай посмотрим, что он там делает.

Они включили телевизор и пощёлкали по каналам.

– Вот он!

– Ага, он.

– Что это он делает?

– Гля, гля, бритву достаёт.

Они присмотрелись.

– Неужто вены решил порезать?

– Ничего особенного, естественная реакция на отсутствие

цели.

- Так надо же что-то делать, – начал беспокоиться Пётр.
 - Ну, теперь-то он не помрёт, не дадим.
 - Ага.
 - Давай-ка теперь ты спускайся к нему.
 - А почему это я?
 - Я был у Василия.
 - Да? – расстроился Пётр.
 - Давай, давай, твоя очередь.
 - Ладно, иду.
 - А я пока на жену его повлияю незаметненько.
 - Всё, не мешай.
- Пётр закрыл глаза и сосредоточился.

Седой и Сергей сидели в прокуренном баре и вяло попивали пиво, закусывая сушёной воблой.

– Н-да, докатились мы с тобой, Седой. Всего месяц назад мы могли безвылазно сидеть в ресторанах и казино, а ща всё, каюк, бабки уплыли.

– А ты думал, они бесконечные? – усмехнулся Седой. – И так полгода почти гуляем.

- Да, заработали мы неплохо.
- Ага.

Они сделали по внушительному глотку пива.

- Неплохое было дельце.
- Пока ты не грохнул брата Юрия.

– Ой, только не начинай. Подумаешь тоже, велика потеря. Одним дебилом меньше, одним больше.

– Ну да.

– Я не виноват, я не хотел его убивать, случайно всё вышло, с каждым бывает.

Они замолчали и заказали ещё по пиву.

– Ну что теперь-то делать будем? – Седой выпил сразу полкружки.

– Не знаю. Правда, есть у меня тут на примете одно неплохое дельце. Бабки и большие, и уверенные.

– Наклеим бороды и опять в проповедники?

– Типа того.

– Не, Серж, это дельце не по мне.

– Что же так?

– Меня все эти фанатики до такой степени теперь выводят, что я их скоро уже отстреливать начну.

– Зато дело прибыльное и непыльное.

– На хрен, – подытожил Седой. – Не личет мне больше это занятие. Это ты у нас брехло от Бога, вот и занимайся тем, чем умеешь.

– Ну, как знаешь.

Они замолчали и отпили ещё пива.

– Ну, рассказывай.

– Что рассказывать?

– О дельце твоём.

– Так ты же всё равно не пойдёшь.

– Ну, интересно же.

– Ладно. Слышал я, появился проповедник какой-то, не то Василий, не то Владимир, хрен его знает. Так вот он, говорят, просто чудеса делает, народ к нему чуть ли не со всей страны скоро потянется, ты понимаешь?

– Да ладно, чудеса, – усмехнулся Седой. – Такой же, наверное, святой, как и мы с тобой.

– Да мне как-то по хрен, чудеса он творит, или мозги пудрит, главное, что около него неплохие деньги крутятся.

– А вдруг он и вправду одарённый какой?

– Не смейся.

– Не, ну были же такие люди. Он же тогда тебя за пять минут раскусит, это спасибо ещё нас не разыскивают.

– Это мы, конечно, вовремя смылись, не успели тогда про нас разнюхать.

– Да-а.

– Так что сейчас мы чисты аки ангелы.

– Смотри, а то выдаст тебя с потрохами.

– Ты меня, видимо, плохо знаешь. Уж что-что, а мозги пудрить я умею.

– Это у тебя, конечно, тоже какие-то мистические способности.

– Может быть, но уж прикинуться ангелочком – это вообще пара пустяков. Впишусь в ученики, а там дело техники.

– Рискуешь.

– Кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

– Да ни черта у тебя не выйдет.

– Вот посмотришь.

Сергей повертел в руках пустую кружку.

– Ну что, пошли?

– Ты иди, я ещё посижу.

– Как знаешь. Ну, тогда получается, что наши дороги расходятся.

– Ага.

– Ладно, ещё увидимся.

– Не пропадай надолго.

– До скорого.

– Пока.

Сергей подмигнул Седому и направился к выходу.

– Ты ещё услышишь обо мне, – прокричал он на прощание и скрылся за дверью.

– Коля, о Господи! – запричитала Татьяна. – Что ты наделал?! Очнись, очнись, Коля!

Татьяна упала на колени, обняла его и расплакалась.

– Только не умирай, пожалуйста, – шептала она сквозь слёзы. – Я не смогу без тебя, только ты меня держишь на этом свете. Слышишь меня, Коля?

Татьяна разрыдалась ещё сильнее и теперь только шептала его имя.

Тут она внезапно вспомнила, что надо вызвать скорую, и тут же подбежала к телефону. Татьяна с трудом набрала

несложный номер и, растирая слёзы по лицу, сказала, что случилось, и назвала адрес. Затем она снова подбежала к Николаю Александровичу и начала тормозить его. Через несколько секунд, которые для Татьяны показались вечно-стью, Николай Александрович вздрогнул и сделал глубокий вдох.

– Коля, Коля, наконец-то! Господи, что ты наделал? – вновь зашептала Татьяна и посильнее прижалась к нему.

– Я понял, я всё понял, – еле слышно произнёс Николай Александрович. – Я не должен умереть, теперь я знаю, зачем мне жить... Он умрёт... Я его убью, убью, убью... Я обязан его убить.

– Коленька, что ты говоришь? Успокойся, пожалуйста. Сейчас приедет скорая...

– Я всё видел...

– Хорошо, хорошо, только не умирай.

– Я его убью... – ещё тише прошептал Николай Александрович и вновь потерял сознание.

Несмотря на то, что было довольно-таки холодно, и накрапывал противный дождь со снегом, зима всё-таки, Василий, Иван и Фёдор всё так же ходили по городам и деревням, помогая страждущим и наставляя всех на путь истинный.

Фёдор так до сих пор и не ушёл, всё время уговаривая Василия взять его хотя бы в ещё один город, но вчера Фёдор сказал, что этот день будет действительно последним днём,

проведённым им с Василием, и что ему пора уже возвращаться домой и принести людям новую жизнь.

Странности в поведении Фёдора никуда не делись. Он во всех городах и всё время кричал, что пришёл новый мессия, и как бы Василий ни просил его не делать этого, всё равно Фёдор не сдерживался и то и дело покрикивал о нём, как о мессии, пророке и целителе.

В этом городе, как, впрочем, и во всех остальных, к Василию подходило множество народу, которым он обязательно помогал в их проблемах.

К вечеру на главной площади собралась довольно внушительная толпа, которой Василий объяснял непреложные истины и учил жизни. Впрочем, весь этот день не стоит того, чтобы о нём говорить, так как такие же вечера и такие же проповеди были у Василия чуть ли ни ежедневно. Люди, как и всегда, уходили с глубокой верой и с твёрдой уверенностью в правде жизни.

Фёдор же всегда стоял рядом и просто слушал, посматривая на людей, на лица тех, кто уже проникся и кто махнул рукой.

Наконец проповедь закончилась.

Солнце уже почти село, и Василий спустился со ступенек. Он с улыбкой посмотрел на Фёдора.

– Ну что же, Фёдор, нам пора прощаться.

– Да, – грустно вздохнул Фёдор.

– Иди домой, а нас ждут новые люди. Сделай из своего

города то, что ты мне обещал.

– Конечно, Василий, – вдохновенно отвечал Фёдор. – Можете на меня положиться. Через год это будет совсем другой город, город нового мира. Когда вы придёте в него в следующий раз, вы его не узнаете.

– Мне нравятся изменения в тебе, я чувствую твою силу, и если не ты, то кто же ещё?

– Спасибо.

– Не люблю долгих прощаний.

Фёдор кивнул.

– Я не подведу, верьте мне.

– Да будет так. А теперь иди, наши пути расходятся.

– До свидания, Василий, надеюсь, мы скоро увидимся.

– До свидания, Фёдор, мы ещё обязательно встретимся.

Василий пожал руку Фёдору, который, улыбнувшись напоследок, развернулся и пошёл обратно.

Василий и Иван ещё некоторое время смотрели ему вслед.

– Что теперь? – спросил Иван.

– Как всегда, идти навстречу жизни.

Василий и Иван неспешно пошли. Стало уже совсем темно.

Они зашли в тёмный, неосвещённый переулок.

– Стой, сука! А ну гони бабки, пока мозги не вышиб! – закричал молодой человек, внезапно выскочивший из-за угла.

Они застыли, даже не зная, что сказать.

– Я кому сказал? – молодой человек достал нож и стал

водить им у лица Василия.

– Но у нас нет денег, – промямлил Василий.

– Не гони! А то я не видел, как тебе сегодня целый день их совали.

– Но мы не берём денег, – Василий собрался и говорил уже спокойно. – Наша вера не позволяет нам брать деньги.

– Ты мне, падла, проповеди тут не читай! – ещё больше разозлился молодой человек. – Давай живо, пока кишки не выпустил!

– Мы не берём денег, – повторил Василий.

– Я сказал, бабки гони!

– Но у нас их нет.

– Ну, урод, ты меня довёл...

Молодой человек крепче сжал нож и сделал уверенный шаг в сторону Василия. Василий попятился. Иван испуганно стоял в сторонке. В этот момент из этого же переулка выскочил другой мужчина и, крикнув «Нет!», неуклюже выбил нож из руки грабителя.

Грабитель тут же развернулся и со всей силы ударил мужчину, спасшего Василия, в лицо. Спаситель упал на асфальт. Грабитель пнул его ещё несколько раз и, прокричав Василию «Тебе повезло, козёл!», убежал восвояси.

Мужчина, который только что так самоотверженно спас Василия, скорчился и тихо стонал.

– Спасибо вам, – начал Василий. – Вы спасли мне жизнь. Я этого не забуду.

Мужчина по-прежнему валялся на асфальте и корчился.

– Встань, мой друг, и скажи, как тебя зовут.

Мужчина почувствовал, как почти сразу после этих слов боль ушла, но поборол в себе ненужные чувства и привстал.

– Меня... меня зовут Сергей, – он кашлянул и вытер рот. – Я сегодня услышал вашу проповедь и наконец-то понял, как действительно надо жить. До сего дня я лишь бесцельно давил свою душу, теперь я хочу освободить её, – Сергей посмотрел на Василия убеждающим взглядом.

Василий кивнул.

– Ты всё правильно понял.

Сергей встал на колени и обнял ноги Василия. Он заплакал.

– Не надо, не стоит.

– Спасибо, что вы открыли мне глаза.

Василий в первый раз видел, чтобы его речи так повлияли на человека.

– Встань, Сергей.

– Разрешите, разрешите...

– Чего ты хочешь? Чем я ещё могу тебе помочь?

– Разрешите мне...

– Что?

– Разрешите мне быть вашим учеником.

– Учеником?

– Да. Я хочу жить, понимаете? *Жить*.

– Но...

– Хотя бы месяц...

Василий задумался.

– Пожалуйста. Я теперь уже не смогу жить той же жизнью, какой жил раньше.

– Я...

– Эти же ничего не понимающие люди, дурацкая работа...

Василий, наконец, улыбнулся.

– Ну что ж, вы всё-таки спасли мне жизнь, должен же я хоть чем-то вас отблагодарить. Хотя ты уже и не молод, и я почему-то не могу понять твоей сущности, но так и быть, я разрешаю тебе пойти со мной.

– О, Василий, спасибо! – он ещё сильнее обнял ноги Василия. – Вы не разочаруетесь в своём решении.

– Вижу, что ты веришь в меня, а значит, веришь и в то, что за мной.

– Да, да!

– Я думаю, на тебя можно положиться. А теперь встань с колен, нам пора идти.

Сергей отпустил ноги Василия.

Иван и Василий отвернулись и пошли из города.

Сергей с загадочной улыбкой посмотрел на них и, бросив условленную сумму денег под дерево, зашагал следом.

Николай Александрович очнулся и медленно приоткрыл глаза. Около него стояла капельница, и рука была перевязана бинтами. Он вздохнул и попытался вспомнить, что с ним

произошло. Сначала в сознании всплыл дождь, потом ванная, потом бритва... дальше ничего. Но Николай Александрович знал, что было и что-то ещё, а вот что – вспомнить никак не мог.

Он попытался открыть глаза.

– О Господи, ну наконец-то ты очнулся, – обрадовалась Татьяна и сжала здоровую руку Николая Александровича.

Николай Александрович медленно повернул голову и увидел улыбающееся, заплаканное лицо Татьяны.

– Как я рад тебя видеть, – тоже улыбнулся Николай Александрович. – Кажется, я сделал большую глупость.

– Главное, что ты жив. Я так за тебя боялась.

– Всё позади, всё хорошо.

Татьяна стала гладить его руку.

– Когда я увидела тебя в ванной, я чуть было сама не умерла, а когда у тебя начался бред, я даже подумала, что ты сошёл с ума, – Татьяна нервно засмеялась. – Ну да ничего, врачи говорят, что всё будет хорошо.

– О каком бреде ты говоришь? – удивился Николай Александрович.

– Ты всё время, пока был без сознания, твердил, что должен отомстить, должен убить какого-то Василия, и что это тебе сказал сам апостол Пётр, – Татьяна опять засмеялась.

– Да-а, – усмехнулся Николай Александрович.

– А знаешь, как...

Николай Александрович напряг свою память, и тут его

как током ударило. Он вспомнил своё видение с апостолом Петром, который сказал, кто убийца его сына и что ему теперь надо делать; теперь он вспомнил всё. Появилась непоколебимая уверенность. Затем он вспомнил вспышку света, какой-то тоннель, из которого его почему-то кто-то тащил, затем заплаканное лицо Татьяны... А потом снова провал, вплоть до этого момента.

Николай Александрович отвернулся и сделал серьёзное лицо.

– Это не бред.

– Что? – не расслышала Татьяна.

– Я действительно видел апостола Петра, и он сказал, что мне надо делать и как отомстить.

– Коля, ты меня пугаешь, – прошептала Татьяна. – Это же всего лишь сон, бред, ты же всё-таки был при смерти.

– Это был не сон, я в этом *уверен*.

– Коля...

– Я должен найти этого проклятого Василия, я должен отомстить за смерть нашего сына, – Николай Александрович вздохнул. – Можешь мне не верить, но я сделаю это.

– Но Юру всё равно уже не вернуть, – в голосе Татьяны появилась дрожь. – Да и кто такой этот Василий? Это же сон, и ничего более.

– Я его найду.

– Даже если он действительно существует, ещё одной смертью ты всё равно ничего не исправишь.

– Зато я успокоюсь. Месть священна, и она свершится.

– Убийство – это грех. Коля, умоляю тебя, выкинь эту мысль из головы, не надо... – она начала плакать.

– Иногда убийство это высочайшая обязанность любого нормального человека, – Николай Александрович был непреклонен.

В палату вошли врачи, и Татьяна, вытирая глаза помятым платком, собралась уходить, но Николай Александрович постарался крепче сжать её руку и с неумолимой решительностью в голосе прошептал:

– Таня, я клянусь Богом, я убью его, душа Юры должна успокоиться.

Татьяна ничего не ответила. Николай Александрович отпустил её руку, и она вышла из палаты.

– Я клянусь, – ещё раз прошептал он и тяжело вздохнул.

Снова город. Такой же, как и все предыдущие, как и те, что были до него, в котором живут такие же люди, и у которых у всех одинаковые проблемы.

Было почти уже совсем темно.

Василий, Иван и Сергей постучали в первый попавшийся дом. Им открыла старушка, которая что-то медленно и старательно пережёвывала. Она посмотрела на незваных гостей удивлённым взглядом.

– Ну, чего вам надо? – бабулька оказалась не очень-то приветливой.

Василий хотел, как обычно, сказать, что они просто путники, и им негде переночевать, но Сергей перебил его, едва Василий открыл рот.

Сергей сделал гордое лицо.

– Это *сам* Василий, – Сергей указал на него взглядом. – А мы его ученики.

Остальные молчали.

– Ой, батюшки!– сразу же обрадовалась бабулька. – Неужели это и есть тот самый Василий?! А такой молоденький, – старушка вновь улыбнулась и покачала головой. – Проходите, проходите.

Она пошире открыла дверь, ипустила их.

– Чувствуйте себя, как дома, сейчас будет ужин.

Старушка начала доставать еду.

– Не торопитесь, поесть мы всегда успеем.

– Небось, голодные с дороги-то? – любезно поинтересовалась старушка.

Василий хотел что-то сказать, но Сергей вновь перебил его.

– Да уж, поесть не мешало бы.

– А как вас звать-то? – не унимался Сергей.

– Прасковья Ивановна.

– Ну, Прасковья Ивановна, вам очень повезло!

Василий косо посмотрел на Сергея и прошептал ему на ухо:

– Ты мой ученик всего двое суток, а ведёшь себя...

«Н-да, кажется, я переборщил, надо держать себя в руках...»

Сергей изменился в лице и принял виноватый вид.

– Простите меня, Василий, просто я в первый раз разговариваю с человеком, являясь вашим учеником. Я горжусь вами и хочу, чтобы и она гордилась, чтобы знала, *кто* находится сейчас рядом с ней.

– Не надо, чтобы мной гордились, а тем более восхищались, это убивает душу. Восхищение толпы убило ни одного великого человека. Гордость возносит, и не успеешь опомниться, как ты уже слишком далеко от людей, оставшихся где-то там внизу.

Прасковья Ивановна поставила на стол тарелки.

– Кстати, говорят, вы и вправду можете исцелять, а у меня страшный хандроз, не поможете, а?

Василий замаялся, как-то неожиданно это было, и посмотрел на сгорбленную старушку.

– Но я вижу, вы не верующая, на вас нет креста.

– Ну и что? – искренне удивилась Прасковья Ивановна. – Я же не грехи прошу вас замолить, а вылечить меня.

– Но как же...

– Целители ж сейчас всякого лечат, хоть веришь ты, хоть не веришь.

– Почему же тогда вы к ним не идёте?

– Ходила, – грустно вздохнула Прасковья Ивановна. – Денег в три шкуры сдерут, а толку никакого. Может, хоть вы

поможете?

– Но если вы не ходите в церковь, не веруете и вообще не думаете о душе, то зачем вам тогда тело?

– Ой, какие-то странные вы вещи говорите, честное слово. Как же так, ради души помирать, что ли?

– А ради чего тогда жить?

– Эта жизнь нам дана для тела, а душа после смерти сама разберётся, что ей делать. Я душу никогда не видела, так что же о ней тогда думать? – Прасковья Ивановна почесала нос. – Здесь мы живём телом и для тела, помяните мои слова.

– Откуда же вы это знаете?

– Вижу, как вокруг люди живут, так и я живу.

– Да какая разница, как живут люди?

– Люди – мерило жизни.

Прасковья Ивановна была по-своему умна.

– Ну, так вы мне поможете, или... нет?

Василий ещё раз взглянул на неё.

«И зачем я *им* нужен? Какой во мне смысл?..»

– Живите с миром.

Василий отвёл взгляд.

Прасковья Ивановна выпучила глаза и заохала.

– Ох, ох, ох, что делается-то! Всю боль прям как рукой сняло. Ой, хорошо-то как! – Прасковья Ивановна хлопнула в ладоши. – Вот спасибо-то вам! Век не забуду.

– Пустяки.

– Сейчас, подождите.

Она буквально выбежала из кухни и заскочила в свою комнату.

Послышалось, как открылась дверь шкафа, затем шебуршание вещей, и через минуту Прасковья Ивановна вновь вернулась на кухню.

– Вот! Это всё, что у меня осталось от пенсии, больше нет, уж не обессудьте.

– Ну, что вы.

– Возьмите, пожалуйста.

Она протянула деньги Василию, но он лишь покачал головой.

– Не надо.

– Нет, вы мне так помогли, вы не представляете.

– Нет.

– Нате, берите, – она отвернулась от Василия и вложила деньги в руку Сергею.

– Спасибо вам, – скромно улыбнулся Сергей и взял деньги.

– Сергей, что ты делаешь? – чуть не закричал Василий. – Отдай их немедленно. Нельзя брать деньги за работу, которая бесценна, а уж тем более, если ты её не делал.

– Но есть то мы что-то должны...

– Молчи! – вспылil Василий. – Ты ещё ничего не понимаешь, и только поэтому я тебя прощаю, но чтоб больше такого не повторялось!

– Я... я не знал, – Сергей снова сделал виноватый вид и с

улыбкой отдал деньги обратно. – Я не знал, что нельзя брать деньги, даже если их нам предлагают.

– Теперь знай.

– Обещаю, больше этого не повторится.

«Всё оказалось гораздо сложнее, чем я думал. Но деньги около него крутятся хорошие, можно и помучиться. Главное, терпение».

– Никогда, слышишь? Никогда и ничего не решай за меня, – Василий посмотрел на Сергея ледяным взглядом и отвернулся.

Только Иван весь вечер сегодня молчал, он первый раз видел Василия разозлённым.

Пётр зашёл в кабинет, расправил бороду, поправил шляпу и сел за свой стол.

– Ну, как там наш убийца?

– Свято верит, даже ни капли сомнения.

– Это радует.

– Молодец, хорошо постарался.

– Спасибо.

– Я думаю, с ним проблем не будет.

– В график вложится?

– Должен.

– Ну, вот и хорошо.

Павел дочитал какие-то бумаги и отложил их в сторону.

– А ты видел, как вчера вёл себя наш Василий?

– Н-да, как-то не очень хорошо. Чувствовалась в нём какая-то злость.

Павел кивнул.

– Злость – это тёмное чувство, а на альбиносе не должно быть чёрных пятен. Этот Сергей обладает очень сильной отрицательной энергией, как бы он не испортил нам Василия.

– Да уж.

– Ты кстати видел этого Сергея?

– Конечно.

– Ну и как?

– На редкость мерзкий тип. Как только Василий не видит этого?

– Есть такие люди. Уж что-что, а талант у Сергея есть. Вопрос лишь в том, может ли он серьёзно повлиять на Василия.

– Василий обладает огромной положительной энергией, Сергей отрицательной, борьба стихий.

– Но я думаю, Василий достаточно силён, чтобы противостоять ему.

– Да. Иуда был посильнее этого Сергея, а Иисусу хоть бы что.

– Времена другие, неоткуда брать подпитку, сейчас мир может только высасывать силы.

– Луч света можно найти даже в крошечной тьме, главное верить в него.

– Это точно, главное верить.

– Я думаю, Василий на продается, а вчерашний инцидент

– Это всего лишь мимолётная вспышка гнева, которая ничего не значит.

– Да, с каждым бывает.

– Вот именно. Пока ничего страшного не произошло, посмотрим, что будет дальше.

– Посмотрим.

Глава 5

Две недели пролетели незаметно.

Василий шёл по обледеневшей дороге, грустно опустив голову, и что-то иногда бурчал себе под нос. Позади него шли Сергей и Иван, которые активно о чём-то спорили. Наконец Василию надоел этот давящий на уши гул.

– О чём спор? Если вы оба ученики одного человека, значит, вы единое целое и у вас не должно быть никаких разногласий.

– Сейчас мы спорим по поводу того, что уже практически наступила зима, – наблюдательно заметил Сергей.

– Ну и что?

– А мы всё ходим пешком и постоянно мёрзнем.

– И что же ты предлагаешь?

– И вот я подумал, почему бы нам не купить машину?

Василий недоуменно посмотрел на Сергея.

– Машину?

– А я говорю, что обычная ходьба из города в город зани-

мает много времени, поэтому мы можем много думать, и нас ничто не отвлекает от всестороннего и адекватного восприятия мира, – высказал свою точку зрения Иван.

– Да, ты прав. Плюс ещё у меня появляется время на восстановление затраченных сил.

– Но если бы у нас была машина, – парировал Сергей. – Мы бы меньше уставали физически, и у нас бы было больше сил на духовное развитие. К тому же, если бы у нас была машина, мы смогли бы гораздо быстрее перемещаться из города в город, тем самым неся нашу веру большему количеству людей.

Василий задумался.

– И ты тоже в принципе прав.

– Вот видите.

– Но что касается физической усталости, то её можно легко побороть обычной силой воли, а что касается большего количества людей, так дело не в количестве, а в качестве. Если бросить десять семян на поверхность земли, то ни одно из них не прорастет, а если закопать хотя бы одно, то оно в своё время даст плоды.

– Но ведь даже Иисус иногда ездил на ослах и не считал это зазорным, так почему же мы всё время пешком, да пешком? Почему мы отказываемся, даже когда нас хотят подбросить?

– Сколько людей не останавливалось, они все знали, кто мы такие, поэтому под предлогом подвезти, они хотели что-

то получить для себя, то есть если бы я согласился, я тем самым взял бы плату за чудо, а это может ещё и не конец, но уже очень близко к нему. Сейчас ничего не делается безвозмездно.

– Неужели люди действительно такие плохие, как вы говорите? – даже удивился Иван. – Хотя что-то же может быть сделано не ради себя, а только ради других.

– К сожалению, не может. Все хотят получить плату, хотя бы уважение.

– А разве это так уж много, хотеть, что бы тебя просто уважали и оценили твой поступок?

– Один раз немного, два раза немного, а потом гордыня, как и любое зло, засасывает без остатка и через некоторое время ты хочешь уже не просто признания своих заслуг, а лести, преклонения, восхищения, а в этом нет ничего хорошего, поэтому лучше и не начинать, от греха подальше.

– Но вы...

– Вот почему я и не хочу никакой машины.

– Не понимаю.

– «Имеющий уши слышать – да услышит».

– Но морозы-то уже начались, – не хотел сдаваться Сергей.

– Потерпим.

– Этак мы вообще замёрзнем насмерть, тут уж терпи, не терпи.

– Нет, – голос Василия дрогнул, но остался таким же непреклонным.

Василий поёжился от холода и ускорил шаг, остальные тоже.

Николай Александрович уже неделю как выписался из больницы. Всё это время он думал, что ему делать, как найти Василия и как его убить. После долгих размышлений он наконец пришёл к оптимальному, на его взгляд, решению, коим он и решил поделиться с Татьяной.

– Я понял, что буду делать, – начал Николай Александрович.

– И что же? – как-то обречёно спросила Татьяна.

– Я найму частного детектива, чтобы он нашёл мне этого Василия, а вот убью я его лично.

Татьяна только вздохнула.

– Но частный детектив стоит очень дорого, а твоя фирма и так вот-вот обанкротится. Ты бы лучше потратил эти деньги на развитие своего дела, а не на какого-то там мифического Василия.

– Деньги, фирма! – вспыхнул Николай Александрович. – Что дороже, хлеб или честь?

– Не кричи.

– Да, если я не вложу эти деньги в свою компанию, то спасти её может только чудо, но справедливость дороже всего на этом свете, а уж тем более какой-то полуразвалившейся фирмы.

– Мне нет ещё и сорока, мы можем завести ребёнка и на-

чать жизнь сначала.

– А это забыть?

– Прошлого всё равно уже не вернуть, а для жизни нужны деньги.

– Знаешь, что я понял? – Николай Александрович сделал паузу. – Деньги – это всего лишь средство для *существования*. Жить нужно не для средства, а для цели. Если жить ради средства, а средства тратить снова на жизнь, то получается замкнутый круг и жизнь теряет всякий смысл, а я обрёл смысл жизни.

– Убить человека – это не смысл жизни, – покачала головой Татьяна. – Это очень плохая и неблагодарная цель.

– Уж в любом случае лучше денег.

– Когда ты достигнешь этой цели, вот тогда жизнь действительно потеряет смысл. Смысл жизни не должен быть достижимым, – заключила Татьяна.

Николай Александрович несколько секунд молча смотрел в потолок.

– Только сейчас я понял, что нельзя ни в коем случае слушать людей. Нужно жить независимо ни от кого. Самому себе поставить цель и идти к ней, несмотря ни на что.

– Человек не может жить сам по себе и ни от кого не зависеть. Хочешь – не хочешь, а будешь слушать чужие мнения и в зависимости от них менять и мысли, и планы, и цели.

– Тань, тебя не переубедишь, ты упёртая, как баран, – снова вспылil Николай Александрович. – Короче, я уже всё ре-

шил, и ничто и никто не собьёт меня с намеченного пути, помяни моё слово.

Татьяна за эту неделю поняла, что спорить с Николаем бесполезно и поэтому замолчала.

– Завтра же я найму детектива, сколько бы мне это ни стоило. Деньги теряют смысл, когда речь идёт о справедливости.

– Делай, что хочешь, – вздохнула Татьяна. – Мне уже всё равно.

– А ты, кстати, не знаешь, когда у Василия день рождения? – как бы между делом спросил Сергей.

– По-моему где-то через пару недель, а зачем тебе?

– Как-то не очень хорошо он ко мне относится, нужно бы ему подарок какой-нибудь сделать.

– Ну не знаю. Он, помнится, говорил, что всякие там подарки хоть к чему-то да обязывают, поэтому дарить – значит подчинять.

Сергей улыбнулся и покачал головой.

– Ну, это ты, Вань, конечно, загнул. Подарок – это знак уважения и преданности человеку, а если ты предан, то желание подчинить отпадает само собой.

– Ну, я бы не сказал.

– Зато я сказал бы.

– Нет, ты не понял. Допустим, ты даришь какой-то подарок, может быть, ты кроме уважения больше ничего и не хочешь показать, но принимающий этот подарок, особенно ес-

ли он ему понравился, в любом случае будет чувствовать себя обязанным, а значит зависимым.

– Но я не хочу никакой благодарности, просто из приличия. Он же поймёт, что я это сделал без всякой задней мысли, и все обязательства отпадут сами собой.

Иван пожал плечами.

– Не знаю.

– Почему?

– По-моему, всё равно Василий подарок не примет.

– Это смотря какой подарок.

– Да хоть какой. Василий принципиальный человек, не примет и всё тут, если, конечно, его принципы не изменились, а они не изменились. Дело не в подарке, а во внимании, если ты прочитаешь ему какой-нибудь тобой сочинённый стих, он будет рад гораздо больше, чем если бы ты подарил ему виллу.

– Не то ты всё говоришь, ценность подарка прямо пропорциональна его стоимости.

– Ну, с этим я, конечно, не согласен.

– Стих можно написать за несколько минут, причём совершенно бесплатно и цена такого подарка, соответственно, тоже равна нулю, а вот если подарок дорогой... Всё в этом мире исчисляется деньгами, даже чувства.

– То есть, по-твоему, такое чувство, как счастье, можно купить?

– Да ну тебя, дурацкая у тебя привычка всё переиначивать

и переводить в высшие материи. Проще надо быть, проще.

– Как ты? Быть таким же приземлённым?

– Ну, невозможно с тобой по– нормальному разговаривать.

Сергей обиделся и пошёл к Василию.

Когда Василий в очередной раз читал проповедь, Сергей, сославшись на то, что ему нехорошо, решил прогуляться по городу.

Дошёл он до ближайшего телефона в одном небольшом кафе.

Он набрал номер любимого Седым бара.

– Алло,– послышался приветливый женский голос.

– Приветик.

– О-о, Серж! Привет. Как жизнь?

– Нормально.

– Чего звонишь?

– Позови-ка там Седого.

– А на кой он тебе нужен, вы же теперь вроде как раздельно?

– Очень, очень надо.

– Ладно, сейчас посмотрю.

Через минуту послышался голос уже слегка подвыпившего Седого.

– Алло.

– Здорово, Седой!

- О, Серж, какими судьбами?
- Деньги мне нужны, срочно.
- Деньги?
- Хотя бы пару штук баксов.
- Ну, ни хрена себе! О тебе больше месяца ни слуху, ни духу, и тут на тебе, дай две штуки.
- Верну в два раза больше.
- Где ж ты столько заработаешь-то? Или тебе сам Бог одолжит? – засмеялся Седой.
- Седой, заткнись, я не шучу.
- Чё, проблемы какие?
- Ну, можно и так сказать. Этот целитель хренов и правда таковым оказался. Он действительно может одним движением руки поставить на ноги последнего калеку.
- Неужели?
- Честно говоря, мне первую неделю с ним даже как-то не по себе было, думал с ума сойду, но сейчас всё в порядке, переборол себя.
- Круто.
- Одна вот только проблема, слишком уж он духовен и нереалистичен. Обычную жизнь не любит, верит в то, что можно исправить людей, дурак, одним словом.
- Ясно.
- Денег вообще не признаёт, а ты знаешь, какие вокруг него деньги крутятся?
- Какие?

– За неделю можно заработать столько же, сколько мы с тобой заработали за все те два месяца. Он каждый день исцеляет десятками, и каждый хоть по паре сотен да норовит сунуть.

– А он?

– А он, сволочь, не берёт и всё тут.

– Ты прям как умирающий от жажды посреди океана.

– Ага.

– Как ты только живёшь там.

– Я за всё это время и пяти штук рубликов не заработал, мало с кем наедине удаётся остаться, а если Васька заметит, сразу прогонит.

– Но всё же, на хрена тебе нужны эти две штуки?

– Растлить я его хочу, нормального человека хочу из него сделать. Такие деньги упускать!.. Подарю ему немного радости земной жизнедеятельности, хватит в облаках летать.

– Ну, если он такой святой, то он твой подарок в жизнь не возьмёт.

– Нет такого святого, который не хотел бы стать Христом, и Васька не исключение.

– Это ты к чему?

– Короче, вера верою, а отмороженная задница к Богу не приблизит. Он может и святой, но холодовые рецепторы у него никто не удалял, да и желудок тоже, понимаешь?

– Понял.

– Ну, так что?

Седой задумался.

– Ладно, надыбаю я тебе денег, говори куда переслать.

Сергей назвал город.

– Всё будет, не бойсь.

– Смотри мне теперь, не подведи.

– Будут тебе деньги, будут, но отдашь пять штук.

– Ладно, ладно, отдам.

– Ну, всё, пошёл я, а то пиво стынет.

– Угу, бывай

– До скорого. Не пропадай надолго.

– До скорого.

Сергей положил трубку и, расплатившись с официантом, поспешил к Василию.

Николай Александрович, как обычно в это время, сидел на работе и читал различного рода бумаги, иногда делая какие-то заметки в ежедневнике. От работы его отвлек телефонный звонок.

Николай Александрович снял трубку.

– Да.

– Николай Александрович? – раздался грубый мужской голос

– Да.

– Здравствуйте. Узнаёте?

– Да.

– Хорошо.

– Как продвигается дело?

– Я собрал информацию по интересующему вас вопросу. Можете прийти в любое удобное для вас время, и я вам подробно всё расскажу.

– Уже еду.

Николай Александрович положил трубку и быстренько оделся.

Через полчаса он уже зашёл в кабинет нанятого им детектива и, поздоровавшись, сел напротив него.

– Ну что же, Григорий Алексеевич, говорите, что нашли.

Григорий Алексеевич, а именно так звали детектива, достал небольшую папку с бумагами и медленно открыл её.

– Нашёл я его.

– Ну и как он из себя?

– Вы говорили, что этот самый Василий мошенник, и что он только и делает, что обманывает доверчивых людей, за-таскивая их в свою секту.

– Именно.

– Так вот, я поездил по городам, поспрашивал людей и выяснил, что действительно существует такой Василий, которого все именуют не иначе, как мессией и который, мол, исцеляет буквально одним словом.

– Вы его видели?

– Да.

Григорий Алексеевич достал его фотографию и протянул её Николаю Александровичу.

Николай Александрович с интересом посмотрел в лицо Василия.

– А вы уверены, что это именно он?

– Да, уверен, – чётко ответил Григорий Алексеевич.

Лицо Николая Александровича сразу приняло злой и сосредоточенный вид.

– Расскажите мне о нём поподробнее.

Григорий Алексеевич кивнул.

– Итак, Василий Иванович Кузнецов, одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения. Юридически проживает с матерью, но дома не появлялся уже больше полугода... Кстати, люди говорят, что он действительно может исцелять и предсказывать судьбу.

– Обычный шарлатан, – усмехнулся Николай Александрович.

– Я тоже так думаю.

– Продолжайте.

– Ну, так вот, люди не жалуются, а некоторые так и вовсе превозносят его.

– Да уж, молодец...

– Последнее время в одном городе больше двух дней он не задерживался. Где он был ранее двух месяцев назад, честно говоря, не знаю, может быть здесь-то он и промышлял, а как погорел, так и решил двинуться в путь.

Есть у него и двое соучастников: Сергей и Иван, фамилий я их, к сожалению, разузнать не смог. Иван, судя по всему,

новенький в их компании, так как ведёт себя скромно и всё время с почтением поглядывает на Василия. А вот Сергей наоборот, иногда даже усмехается во время чтения Василием проповедей, за его спиной, конечно. И ещё, отношения между Сергеем и Иваном не очень-то хорошие, но Василий не лезет в их споры, как будто он стоит выше них, хотя я не видел, чтобы он на кого-нибудь из них повысил голос. Короче, сразу видно, что Василий у них пахан, а Сергей с Иваном шестёрки; Сергей – шестёрка себе на уме, такому палец в рот не клади, а Иван – просто сама скромность и учтивость. Описание поведения Василия прилагается, – Григорий Алексеевич захлопнул папку и протянул ей Николаю Александровичу.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Вот чек.

– Угу.

Николай Александрович взял папку и собрался уходить.

Григорий Алексеевич положил чек в верхний ящик стола и удобно развалился в кресле.

– Если не секрет, а зачем вам это нужно?

– Секрет.

Николай Александрович закрыл за собой дверь.

Прошло ещё две недели, но мало что изменилось. Разве что Сергей в последнее время стал куда-то частенько пропа-

дать, Впрочем, никто не придавал этому особого значения.

Василий и Иван возвращались с проповеди, потирая замёрзшие руки, была уже зима, а одеты они были, мягко говоря, не по сезону. Сергей одиноко стоял у старой полувысохшей берёзы и с радушной улыбкой смотрел на них.

– Почему ты не был сегодня с нами? – ровным и ничего не выдающим голосом спросил Василий.

Сергей виновато опустил голову.

– Я подумал, что толку от меня всё равно нет.

– Толк нужен не им, – заметил Василий. – А тебе. *Ты* должен слушать и учиться.

– Ещё раз простите, – Сергей слегка замялся. – Я узнал, что у вас сегодня день рождения и решил сделать вам небольшой подарок.

– Ты же знаешь, я не принимаю подарков.

– Но от этого подарка вы не сможете отказаться. Я купил вам этот скромненький автомобиль, – Сергей указал пальцем на стоящую невдалеке машину. – Холодно уже всё-таки, да и какая разница, пешком ходить, или ездить? Вы-то каким были, таким и останетесь.

– Но ты же знаешь, что я не приемлю этого. И вообще, откуда у тебя такие деньги?

– Я продал свою квартиру. Она мне всё равно больше не нужна.

Василий не знал, что сказать. И подарки он вроде бы как не принимает, но Сергей вон на какие жертвы пошёл, лишь

бы он чувствовал себя комфортно.

– Спасибо конечно, но не стоило этого делать, мне этого не надо.

– Но я продал всё, что у меня было, я так хотел сделать вам приятное, а вы так жестоко отвергаете мой подарок, – расстроился Сергей и опустил глаза.

Нависло тяжёлое молчание.

Иван захотел что-то сказать, но Василий выразительно посмотрел на него и не дал открыть рот.

– Можешь не говорить, я уже всё понял. Да, я вижу, что вы всё время уставшие, нет у вас, к сожалению, той силы, которая нужна, чтобы оторваться от земли, ни у кого нет.

– Просто мы...

– Отчасти я вас понимаю, так уж устроен *обычный* человек, – Василий вздохнул и посмотрел на их вопрошающие лица. – Бог с вами, всё равно от этого ничего не изменится, – он повернулся к Сергею. – Сергей, спасибо за подарок.

– Я знал, что вы *нас* поймёте, – обрадовался Сергей.

Иван не заметил подвоха, поэтому очень даже обрадовался тому факту, что им теперь не придётся мёрзнуть и спать в стогах сена под мокрым, липким снегом.

– Спасибо, учитель, мы и в самом деле очень устаём, – улыбнулся Иван.

«Все мы люди, все устают, и я тоже устаю, но я же терплю...» – подумал Василий, но говорить этого не стал.

– Только я не умею водить.

– Ничего страшного, я умею.

Сергей открыл дверцу Василию.

Василий сел.

«И нет тут ничего сложного. Всё грешно в этом мире, даже святость».

– Николай Александрович, к вам пришёл какой-то человек, который говорит, что у него к вам есть очень важное дело, – скороговоркой сказала секретарша и выразительно на него посмотрела.

Николай Александрович сидел, откинувшись на спинку кресла, и с какой-то нехорошей улыбкой о чём-то упоённо размышлял.

– Николай Александрович... – ещё раз повторила секретарша.

– Скажи, что я занят и никого не могу принять.

– Но, по-моему, это очень важный человек.

– Мне сейчас не до важных людей.

– Но это может помочь вашей компании, ведь...

Николай Александрович не дал продолжить.

– У меня сейчас другие проблемы.

– Но это же ваша фирма.

– К чёрту эту фирму, есть дела и поважнее денег.

Тут на пороге появился тот самый важный человек.

– Извините, но если уж вы деловой человек, то и должны заниматься делом.

Николай Александрович оторвал голову от подголовника и внимательно посмотрел на незваного гостя.

— Я к вам по делу, — продолжал незнакомец. — У меня к вам есть предложение, от которого, я думаю, вы, в связи с тяжёлым положением вашей компании, не сможете отказаться.

Николай Александрович положил голову на руку и даже не попытался сделать заинтересованный вид.

— Я вас слушаю.

Секретарша вышла и закрыла дверь.

Незнакомец сел в кресло напротив.

— Что-то вы не выглядите особо заинтересованным в развитии вашей фирмы.

Николай Александрович молчал и всё так же отрешённо смотрел на незнакомца.

— Хорошо. Зовут меня Даниил Семёнович Новосёлов и я хотел бы вам предложить...

Даниил Семёнович подробнейшим образом изложил, что он хочет делать, как он будет зарабатывать деньги, и чего он, собственно, хочет от него.

Через пять минут он закончил свою речь и вопросительно посмотрел на Николая Александровича, который всё это время лишь иногда качал головой и даже не задал ни одного вопроса.

— Хм, — усмехнулся он. — Конечно, идея оригинальная, но совершенно нереальная.

— Зато если вы сделаете так, как я говорю...

– То я смогу запросто потерять всё.

– Да, возможен и такой вариант, но если всё получится, то вы, ничего ни делая, заработаете очень даже неплохие деньги.

– Сейчас деньги меня мало интересуют.

– Но если всё получится, то заработанная вами сумма, я уверен, не оставит вас равнодушным.

– А риск? Хотя и деньги конечно большие, но и риск немаленький.

– Да, честно говоря, шансы погореть очень велики, но выигрыш того стоит. Как говорится, кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

– Совершенно нереально.

– Ну, так вы заключаете договор?

Николай Александрович думал.

– Подумайте хорошенько, деньги-то немалые, а делать вам ничего не надо.

Николай Александрович несколько секунд молчал.

– А давайте, мне уже всё равно, – Николай Александрович махнул рукой. – Наплевать мне на эту несчастную фирму.

Даниил Семёнович ещё раз усмехнулся.

– Деньги не интересуют пока их нет.

– Есть вещи и позначимей денег. Даже скорее, что не возьми, всё ценнее денег; самая ничтожная безделушка и та дороже горстки мусора.

– Экие страшные вещи вы говорите.

– Ладно, давайте сюда ваш договор, я подпишу.

– Деньги хорошие...

– Ладно, но, по-моему, это дело обречено.

– Но...

– Хватит, – в очередной раз перебил его Николай Александрович. – Я же сказал, что подпишу бумаги, будут у вас деньги. Да и вообще, какая разница? В любом случае, мне всё равно.

Прошёл ещё месяц.

Василий, Иван и Сергей сидели в машине, смотрели, как на улице, прорезая темноту, идёт сильный снег и ели всякую всячину купленную Сергеем.

Тепло, уютно и сытно.

– Судя по всему, – начал Василий, жуя бутерброд с колбасой. – У тебя, Сергей, осталось достаточно много денег после покупки автомобиля, раз мы целый месяц так живём.

– Должен же я хоть чем-то радовать своего учителя, – улыбнулся Сергей. – Хотя, честно говоря, деньги у меня почти закончились, максимум ещё неделя.

– А было неплохо, – как всегда неуверенно вставил Иван. – И городов успеваешь посетить больше, и всегда в тепле, и попрошайничать не надо.

– Всё дорогое убивает бесценное. Хорошая жизнь убивает.

– Не убивает, если к ней относиться равнодушно.

– Да, лично мне совершенно неважно, что мы едим и где мы ночуем, мне вас жалко.

– Но согласитесь, было неплохо, – Сергей дожевывал бутерброд и поудобнее развалился на сиденье.

– Да, не скрою, в такой холод по городам ходить весьма проблематично, а насчёт подумать, это мы всегда успеем.

Иван косо посмотрел на него.

– А раньше вы говорили...

– Думать всегда можно, я утрировал, преувеличивал, в общем, я ошибался и признаю излишнюю напыщенность своих суждений, – Василий вытер рот. – Спасибо.

– Вот всё время бы так, – размечтался Сергей.

– Главное, чтобы хватало еды для поддержания жизненных сил, остальное лишнее, а иначе затянет. Если Бог придумал человека, то Дьявол вставил в него желудок.

– Да, вы правы, – согласился Сергей и стал готовиться ко сну.

– Спасибо.

– На здоровье.

Василий ещё раз взглянул на остатки ужина и, пробурчав «Да, неплохо было», тоже собрался спать.

А Павел всё никак не придавал этому значения, совершенно по-обыденному смотря на происходящее. Разве что Пётр, как всегда, поддавался излишнему пессимизму.

Пётр отложил внушительную книгу, и устало потёр глаза.

– Неужели устал?

– Мысли гложут.

– И какие же?

– Сам знаешь.

– О Василии?

– Да.

– Слишком уж ты ему не доверяешь, а верить надо, он же как-никак часть нас самих.

– Ох, не нравится мне всё это.

– Ну, опять...

– Не должно было такого быть.

– Ну чего тут такого? Там морозы, целыми днями по улице не походишь, да и есть что-то надо, не обязательно ж питаться подаями. В конце концов, даже сын Босса в своё время не отказывался от хороших застолий, но это ведь ничего не значит.

– Это Иисус, а это Василий.

– Для нас они одно и то же.

– Ну не скажи.

– Петь, хватит, надоел.

– Но этот Сергей...

– Да, сволочь он. Отчётливо видно, зачем он сделал этот подарок, но Василий-то думает, что это он из уважения, а для нас главное, что думает Василий.

– Ну...

– Ну чего тут страшного? – по слогам проговорил Павел.

– Не знаю, вроде бы и ничего...

– А что же ты тогда?

– ...но в тоже время за этим могут последовать определённые нехорошие вещи.

– Успокойся, за бутерброд нашему конкуренту ещё никто не продался.

– Ладно, проехали.

– Вот и молодец, – обрадовался Павел. – Не надо быть нытиком.

– Всё, сказал же, молчу.

– Угу.

Павел демонстративно закрыл рот на замок, и они продолжили заниматься своими делами.

Николай Александрович сидел дома на кухне и, как ни в чём не бывало, спокойно смазывал только что купленную им винтовку. Делал он это увлекательное занятие тщательно и неторопливо, насвистывая себе под нос какую-то незамысловатую мелодию.

Ключ в замке входной двери повернулся, но Николай Александрович не обратил на это ни малейшего внимания. Зашла Татьяна и, бросив не глядя «Добрый вечер», стала снимать пальто.

Наконец она переоделась и, зайдя на кухню, испуганно уставилась на оружие.

– Коля, что это? – еле слышно прошептала она и неуклюже

села на ближайший стул.

– Винтовка с оптическим прицелом, что же ещё?

– Зачем?

– Ты и сама знаешь, зачем, – совершенно обыденно ответил Николай Александрович и продолжил так же упоённо смазывать оружие.

– Не...

– Я же сказал, что убью эту сволочь, а я слов на ветер не бросаю.

– Да опомнись ты! – чуть ли не закричала Татьяна. – Что ты творишь? Юрия всё равно уже не вернуть, а если ты попадёшь в тюрьму, никому легче не станет. Лучше бы занялся фирмой, а то мы скоро по миру пойдём.

– Замолчи! – Николай Александрович ударил кулаком по столу. – Фирма, деньги... Что вы все заладили деньги, деньги! Деньги ничто, когда речь идёт о чувствах, о справедливости.

– Это не справедливость, это самосуд.

– Только самосуд и может быть справедливым. Закон зачёсывает всех под одну гребёнку. Закон не может удовлетворить ни виновного, ни пострадавшего. Кроме государства этот несчастный закон никому не нужен.

– Что за глупости ты несёшь? Нельзя каждому судить по своим законам, иначе будет хаос.

– Это сейчас хаос, прикрытый вуалью справедливости.

– Ты сам не понимаешь, что говоришь.

– Закон и справедливость вещи несовместимые, они служат совершенно разным целям, а я хочу именно справедливости.

– Но уже поздно...

– А ты, ты сдалась, ты до того слаба, что не можешь принять даже мысль о мести!

– Я...

– Ты ничего не понимаешь и не хочешь понять! Хорошо, так и продолжай жить своей амёбной жизнью, из-за таких, как ты происходит столько убийств.

– Ну, зачем ты так...

– Говорю тебе, замолчи! Ты можешь существовать так, как считаешь нужным, но не мешай жить мне! Я чувствую, что я должен делать, пойми ты, должен!

Татьяна расплакалась и выбежала из кухни, а Николай Александрович начал остервенело собирать винтовку.

Время неумолимо двигалось вперёд.

Деньги закончились, и машину пришлось оставить у какого-то подъезда в каком-то городе. Сразу стало холоднее, и жизнь стала казаться хуже. Время теперь тянулось медленнее, потому что приходилось проситься погреться чуть ли не в каждой встречной деревне. Как назло, началась та часть России, где народ был недоверчив и принципиален. Чувствовалась ощутимая разница с недалёким прошлым, но денег взять было неоткуда, да и Василий свято верил, что и так

вполне можно прожить, что он и старался делать.

Впереди виднелась длинная заснеженная дорога.

– Что же это за люди такие пошли? – грустно и невыразительно задал очевидный вопрос Сергей. – Уж почти неделю ходим по этой области, а поели по – нормальному только один раз.

– Здесь людям и самим-то на еду не всегда хватает, так что обижаться тут не на что, – Василий вздохнул.

– А по-моему, не в деньгах дело, – покачал головой Иван.

– А в чём же ещё? – не понял Сергей.

– Ведь когда узнают, кто мы, то сразу находят и деньги, и еда.

– Это уже не сострадание, а плата; а плату мы, как известно, не берём.

– А брали бы, кто что подаст, ездили бы сейчас спокойно, а не ходили бы голодными.

– Не говори так, Сергей. Пошиковали немного, пора и к обычной жизни возвращаться.

Они замолчали, и некоторое время прошли молча.

– Ой, что же так есть хочется, – чуть ли не простонал Сергей.

– Ага, – согласился Иван. – Уж два дня кроме куска хлеба ничего не ели.

– Вот по телевизору бы нас показали, тогда все бы нас узнавали и не приходилось бы попрошайничать.

Василий косо посмотрел на Сергея.

– Я уже не раз говорил, что есть вещи для разума, а есть вещи для чувств. Все СМИ воздействуют только на разум, телевизор не может вызвать никаких стоящих чувств. А мы должны доносить свои идеи не через голову, а через сердце.

– Но ведь можно показаться пару раз и продолжать так же ходить.

Сергея было трудно переспорить, вот и сейчас Василий не знал, что ответить.

Как по мановению волшебной палочки впереди них остановилась машина, на двери которой было написано что-то вроде «Местное радио». Из машины выскочил молодой человек и со счастливой улыбкой подошёл к Василию.

– Здравствуйте.

– Добрый вечер.

– Какая радость, что вы наконец-то дошли до нас. Скажите, пожалуйста, несколько слов для нашей радиокompании.

Молодой человек включил диктофон.

– Я не даю интервью, – сухо ответил Василий и собрался продолжить путь.

– Но почему же?

– Иногда глаза могут сказать гораздо больше, чем слова.

– Но ведь люди хотят знать о вас больше.

– Меня не надо знать, мне надо верить.

– Но вы же и сами прекрасно знаете, что люди сейчас не верят словам, им нужны факты и доказательства.

– Я никому и ничего не хочу доказывать.

– А чего же вы хотите?

– Чтобы люди *жили*.

– И всё?

– Это и так немало.

– А что вы вкладываете в понятие «жизнь»?

– Жизнь и есть жизнь.

– А что...

– Всё, мне нечего вам больше сказать.

– Ну что же, – молодой человек задумался. – Это можно будет назвать вашим первым интервью?

Василий остановился и с удивлением посмотрел на него, но потом опустил глаза.

– Я... я сказал же, что не даю интервью, – проямлил Василий, не поднимая глаз.

– Но вы же сейчас ответили на некоторые мои вопросы.

Василий больше ничего не сказал и, не попрощавшись, пошёл своей дорогой. Журналист остался позади.

Через несколько минут Иван, не выдержав напряжённой тишины, позволил себе заметить:

– А ведь он прав, это действительно было ваше первое интервью. До этого вы всем журналистам просто говорили, что не будете говорить и всё тут.

Василий тяжело вздохнул и, ещё ниже опустив голову, ускорил шаг.

Николай Александрович без дела сидел в своём привыч-

ном кабинете и думал, где лучше всего убить Василия. Как обычно неожиданно и не вовремя раздался телефонный звонок.

– Да.

– Николай Александрович?

– Он самый.

– Это Даниил Семёнович.

– Чего вы хотите?

– Я звоню вам по поводу нашего договора.

– И в чём же дело? – Николай Александрович вздохнул и посмотрел на часы.

– Я хотел бы вложить все наши деньги в одно дельце и мне нужно ваше одобрение.

– Как хотите.

– По-моему вы не очень-то заинтересованы во всём этом. Что-нибудь не так?

– Всё так, как и должно быть.

– Ну да ладно, не важно. Короче, – Даниил Семёнович сразу посерьёзней. – Если эта сделка пройдёт так, как надо, то вы получите целое состояние, уж поверьте мне.

– А если ничего не получится?

– Ну, тогда мы оба пойдём по миру. Но не надо быть пессимистом. Пессимист – это оптимист, который перестал верить в себя, а я думаю, вы в себе достаточно уверены. Давайте будем думать о хорошем.

– Н-да, судя по всему, дело мало перспективное.

– Риск, конечно, есть, но зато на полученные деньги вы сможете так расширить вашу фирму, что через полгода задавите всех конкурентов.

Николай Александрович усмехнулся.

– Это получается, или всё, или ничего.

– Типа того.

– Хорошо.

– Так вы согласны?

– Делайте, что хотите, я уже говорил, что мне всё равно, у меня сейчас есть цель и поважнее денег.

– Ясно.

– Замечательно.

– Буду действовать на своё усмотрение и...

– Вот и действуйте, – оборвал его Николай Александрович и положил трубку.

Пётр сидел за столом и, положив голову на руки, о чём-то сосредоточенно думал.

В кабинет вошёл Павел и плюхнулся в своё кресло.

– Что задумался?

– Да так...

– Это у тебя проблемы, или это у нас проблемы?

– Боюсь, что у нас.

– Ну-ка посвяти меня.

Пётр медленно и еле слышно, как на похоронах, произнёс.

– Вчера Василий ответил на несколько вопросов журна-

листа.

– Не понял, – удивился Павел.

– А что тут непонятного?

– И это всё?

– Всё.

– Ну и что такого?

– Так ведь Василий не должен вообще общаться с журналистами.

– Ну-у, – усмехнулся Павел. – Подумаешь, ответил на пару вопросов, он, наверное, и не понимал того, что отвечает.

– Да, не понимал, а должен был понять.

– Ничего страшного, – махнул рукой Павел.

– Ты не понимаешь. Мы как бы вложили в него программу, в соответствии с которой он не должен брать денег, выбирать, кому помогать, а кому нет, общаться с журналистами и тому подобное.

– Ну, это ясно.

– А он отвечал на вопросы журналиста. Да, сейчас он полностью осознал свою ошибку и раскаивается, но, тем не менее, это говорит о том, что программа дала сбой, хоть и нарушен всего один принцип и тот особо несущественный, но всё равно.

– Случайность это была.

– Хорошо бы.

– Тем более, что он же понял свою ошибку, а значит, впредь этого не повторится.

– Ну не знаю.

– Вечно ты ничего не знаешь.

– Лично я думаю, что это всё из-за этого Сергея, ты же и сам, наверное, понимаешь, чего он хочет.

– Хочет приучить Василия к хорошему, и тем самым убить его ради своей ничтожной выгоды.

– Вот именно. А это небольшое интервью говорит о том, что его материалистичная часть сознания хоть совсем немного и на крошечный промежуток времени, но поборола нашу программу, поборола часть духовную, а этого не должно быть в принципе.

– Ну, ты из любой мелочи таких выводов наделаешь.

– Не мелочи это.

Павел задумался.

– А может всё гораздо проще?

– Как это?

– Может ему просто надоели все эти журналисты, и он попытался отделаться от них, объяснив, почему он не даёт интервью?

– Но он не должен никому и ничего объяснять, он не должен оправдываться.

Павел кивнул.

– Не, всё равно рано ещё о чём-либо говорить. Если ты разок кашлянул, это ещё не значит, что у тебя туберкулёз. Это слишком поспешные выводы, посмотрим, что будет дальше.

Пётр развёл руками.

- Посмотрим, всё равно нам больше ничего не остаётся.
- Совершенно верно.
- Но у меня предчувствие, а моё предчувствие редко когда подводит.

Глава 6

Очередной город.

Василий позвонил в первую попавшуюся квартиру.

– Кто там?

– Здравствуйте. Мы странники, и нам негде переночевать, вы не пропустили бы нас на ночь? – вежливо спросил Василий через закрытую дверь.

– Ща, ещё чего не хватало! – совсем неприветливо ответил женский голос за дверью. – Ходят тут всякие. Может вам сразу и все деньги отдать?

– Мы вам не помешаем. Просто переночуем и уйдём на рассвете.

– Знаем мы таких «странников». А ну убирайтесь, пока милицию не вызвала!

Василий развернулся и пошёл на другой этаж.

Другая квартира.

– Кто там?

– Мы странники, не могли бы вы впустить нас переночевать?

– Ищи дураков.

Ещё квартира.

– Кто?

– Странники, нам...

– Проваливайте.

В принципе, подобным образом их встречали в каждом городе, но сейчас, когда от холода уже не чувствовалось ног, а от голода сводило желудок, эта неприветливость чувствовалась особенно остро.

Василий отошёл и присел на ступеньку.

– Н-да.

– Не, зря мы пошли в эту сторону. Что-то совсем мне здесь не нравится, – покачал головой Сергей.

– Да-а.

– Делать тут нечего, нужно возвращаться обратно.

– Ой, что ж так есть хочется, – скорчил лицо Иван.

– Пойдём к частным домам, – спокойно и невозмутимо предложил Василий. – Может, хоть там нас примут.

...

– Здравствуйте, – снова начал Василий. – Мы странники, не впустите ли вы нас переночевать?

– Во народ пошёл, совсем обнаглели!

Василий не стал больше ничего говорить, и они пошли к другому дому.

Сергей всё злился.

– Уж почти две недели так. Эх, зря мы всё-таки отказались от машины.

...

– Кто?

– Мы...– начал было опять Василий, но Сергей прервал его.

– Это сам Василий, посланник Бога на Земле, слышали, наверное, о таком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.